

ЗАПИСКИ

1814 ГОДА.

А. МИХАЙЛОВСКАГО - ДАНИЛЕВСКАГО.

(Издание Книгопродавца И. Заикина.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВЪРХНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1 8 3 1 ГОДА.

ЗАПИСКИ

1814 ГОДА.

А. МИХАЙЛОВСКАГО - ДАНИЛЕВСКАГО.

(Издание Книгопродавца И. Заикина.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВЪНШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1 8 3 1 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕТСЯ:

съ тѣмъ, чпобы, по отпечатаніи, предспав-
лены были въ Цензурный Комитетъ при эк-
земпляра. Маія 20, 1851.

Цензоръ О. Сенковскій.

АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ

ТУРГЕНЕВУ,

**въ паметъ знакомства, сдѣланнаго въ сраженіи
подъ Дрезденомъ.**

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Представляемое здѣсь описаніе нѣкопрыхъ происшествій, случившихся въ 1814 году, современи перехода Россійской арміи черезъ Рейнъ, доведено до окончанія Вѣнскаго Конгреса весною 1815 года, съ пѣмъ намѣреніемъ, чпобы связать сіе сочиненіе съ изданными за два мѣсяца *Воспоминаніями*, начинающимся со дня опъѣзда изъ Вѣны.

Г Л А В А I.

Приказы Наполеона и Александра. — Начало похода. — О Франціи. — Сраженіе при Бриенѣ. — Бриенской замокъ. — Различныя направленія армій. — Движеніе Наполеона на Сентъ-Дизіе. — Перехваченная почта. — Военный совѣтъ. — Рѣшеніе идти на Парижъ.

При началѣ каждаго похода главные предводители обращаются обыкновенно къ войскамъ своимъ въ приказахъ, излагая въ оныхъ въ нѣсколькихъ очеркахъ правила, на копорыхъ предпринимаемый походъ долженъ быть основанъ. Таковыя приказы суть неспорическіе памятники, послѣдствіе на себѣ оппечашокъ образа мыслей верховныхъ вождей, а попому кажешся не излишнимъ помѣстить здѣсь для сравненія приказъ Наполеона, коимъ онъ возвѣщаль арміи своей о войнѣ съ Россією и таковой къ Александра, оп-

данный за нѣсколько дней до вступленія нашего во Францію :

»Солдашы, говоритъ Наполсонъ, Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться! Неужели починаетъ она насъ перемѣнившимся? Развѣ мы не пѣ же войны, которые сражались подъ Аусперлицомъ? Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ предѣлы Россіи: война сія прославитъ оружіе Французское и миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пагубному вліянію Россіи на дѣла Европы.»

Послушаемъ теперь слова **А л е к с а н д р а** :

»Воины! мужество и храбрость ваша привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ насъ далѣе: мы переходимъ за оный, всступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили опечетство свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Оспается увѣнчанъ великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина! да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правительсва своего властію и законами благополучно! да процвѣпа-

»юпть въ каждой землѣ, ко всеобщему бла-
 »годенствію народовъ, вѣра, языкъ, нау-
 »ки, художества и торговля! Сіе есть
 »намѣреніе наше, а непродолженіе брани
 »и разоренія. Непріятели, вступя въ сре-
 »дину царства нашего, нанесли намъ мно-
 »го зла, но и преперпѣли за оное спраш-
 »ную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ.
 »Не уподобимся имъ: челоѡколюбивому
 »Богу не можеть бытъ угодно безчело-
 »вѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; по-
 »несемъ къ нимъ не мстятъ и злобу, но
 »дружелюбіе и проспершую для прими-
 »ренія руку.»

Перваго Генваря назначено было со-
 юзнымъ арміямъ въ разныхъ мѣстахъ пе-
 реходить Рейнъ. Главная армія, при коей
 находился Государь, переправилась у Ба-
 зеля, и громогласное ура! произносимо
 было войсками на мосту, ведущемъ чрезъ
 сію рѣку. Походъ во Францію былъ не-
 обходимъ для достиженія прочнаго мира:
 къ тому же Государь полагалъ, что
 честь Россіи непременно требовала во-
 дружить знамена свои въ Парижѣ. Мысли
 на Везуль, Лагерь, Шомонъ и Баръ-на-
 Оби, не встрѣчая почти нигдѣ сопроти-
 вленія, и въ три недѣли заняли нѣсколько
 провинцій. Непріятельскія войска повсю-

*

ду отступали и жипели, коихъ Префекты пышными воззваніями возбуждали къ оборонѣ, отворяли безпрекословно городскія воропа. Дожди, снѣгъ, опшпелели и морозы, содѣлывая переходы затруднительными, не останавливали однакоже слѣдованія войскъ; хотя нѣкоторые изъ союзниковъ и желали, чпобы мы шли медленнѣе, но Государь, съ обыкновенною своею дѣятельностію, подвигалъ ихъ безпрестанно впередъ, часто пропивъ воли ихъ. Онъ и въ семъ походѣ былъ столь же веселъ, какъ и въ предъидущемъ; я рѣдко его видалъ послѣ въ пупешествіяхъ и во дворцахъ въ полъ пріятномъ расположеніи духа, каковос Онъ показывалъ на войнѣ. Пріучивъ себя съ молодыхъ лѣтъ переносить непосредственно стихій, Онъ большею частію бхалъ верхомъ и, по обыкновенію Своему, былъ одѣтъ лучше всѣхъ; казалось, чпо Онъ находился не на войнѣ, по на какомъ нибудь праздникѣ. Болѣе, чѣмъ непогоды, обуревало насъ разногласіе на счетъ военныхъ дѣйствій, происходившее по временамъ между союзными арміями. Единственно присупствіе Александра, Который будучи главою союза, всѣмъ спарался угождать, не рѣдко съ самооп-

верженіемъ всякой личности, посредствомъ чего склонялъ всѣхъ на Свое мнѣніе, содѣлало не токмо возможными успѣхи сего разнонароднаго ополченія, но избавило опть погибели арміи, копорыя безъ него конечно пали бы жертвою своихъ несогласій. Сколько разъ случалось, когда привозили ночью важныя донесенія, что Онъ, пренебрегая сномъ, вспавалъ и, предшесствуемый кѣмъ нибудь съ фонаремъ, ходилъ въ ненаспную погоду по грязнымъ улицамъ деревень къ союзнымъ Монархамъ, или даже къ Князю Шварценбергу, будилъ ихъ и, сядя на ихъ кровать, читалъ имъ донесенія и условливался съ ними о мѣрахъ, копорыя предпринимать надлежало. Слѣдующій анекдотъ покажетъ, съ какими затрудненіями положеніе Его было сопряжено. Поупру 9-го Марта, часа за два до нападенія на непріятеля подъ Арсисомъ, когда армія спояла уже въ боевомъ порядкѣ, Государь, окруженный обыкновенною Своею свитою, ходилъ по полю взадъ и впередъ съ Фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толли и, говоря о нѣкопорыхъ союзникахъ, сказалъ громко слѣдующія слова, шѣмъ болѣе примѣчательныя, что Онъ не часто обнаруживалъ то, что проис-

дило въ душѣ Его: »Эти господа сѣдали мнѣ много сѣдыхъ волосъ.«

Кварпиры наши во Франціи были самыя невыгодныя; дома Французовъ спролшся не для зимы, а для лѣта, и попому холодъ въ горницахъ ихъ былъ для насъ, привыкшихъ къ теплу, весьма чувствивпелень, особенно же когда приходилося живапъ въ крестьянскихъ избахъ. Вообразите огромный покой и во всю спѣну онаго каминь, въ копоромъ разложенъ огонь, поддерживаемый према или чепырьмя сырыми полѣнами, дающими нѣкоторое пламя, но вовсе не согрѣвающими воздуха; городскіе дома были содержимы въ опврапипельной неопряпности. Жипелей мы нашли на несравненно низшей степеней образованности, нежели Нѣмцовъ, а попому удивленіе многихъ нашихъ офицеровъ, надѣявшихся, по внушеніямъ своихъ иноспранныхъ наспавниковъ, найши во Франціи нѣкоторую обѣпованную землю, было неописанно, при видѣ повсемѣспныхъ въ деревняхъ и въ городахъ бѣдности, невѣжества и упынїа. Французы ходили съ пошупленнымъ, мрачнымъ взоромъ; при нашемъ нашествіи они не знали, радоваться ли имъ или печались, несемъ ли мы съ

собою окончаніе ихъ бѣдспвіямъ или продолжимъ еще надолго злополучія ихъ: но они видѣли въ ономъ временное зло, ибо при всей спрогой подчиненности, соблюдаемой войсками, за копорою Государь надзиралъ самымъ бдишельнымъ окомъ, невозможно было предупредить разнаго рода опягощеній для обывателей.

По прибытіи въ Баръ-на-Оби, 19-го Генваря, узнали, что Фельдмаршалъ Блюхеръ, переправившійся черезъ Рейнъ съ Силезскою арміею въ Мангеймъ и прішедшій къ рѣкѣ Марнъ чрезъ Нанси, имѣлъ за нѣсколько дней жаркое дѣло при Бриенѣ; почему Государь рѣшился на другой день, соединя главную армію съ Силезскою, напасть на непріятеля. Это было первое генеральное сраженіе во Франціи, во время коего Государь находился на высотахъ при Траннѣ, откуда можно было обозрѣвать всѣ движенія войскъ. Побѣда была совершенная и могла бы имѣть послѣдствіемъ взятіе Парижа, ежели бы, по одержаніи оной, главная и Силезская арміи пошли совокупными силами прямо на сію столицу вмѣсто того, что онѣ послѣ сраженія, надѣясь на великое превосходство свое въ числѣ, въ сравненіи съ непріятелемъ, раздѣлилися, и Блюхеръ

направился къ Марнѣ, а главная армія къ Труа. Малочисленность непріятеля явно обнаружилась при Бріенѣ; Франція оставила вознесшаго ее на верьхъ славы Наполеона въ такое время, когда щастіе переспало ему улыбающься; онъ обратился къ народу, приказывалъ крестьянамъ при появленіи союзниковъ, представляемыхъ имъ въ видѣ грабителей, бить въ набашь, ломать мосты и претовалъ всеобщаго возстанія, но никто не отвѣчалъ на голосъ его, исчезавшій какъ бы посреди пустыни.

На другой день послѣ сраженія Бріенскій замокъ и его окрестности, увѣковѣченные пребываніемъ въ оныхъ Наполеона въ дѣйствіе его, представляли картину совершеннаго разрушенія. Въ замкѣ находилась прекрасная бібліотечка и кабинетъ по части естественной Исторіи, на пополкѣ коего висѣлъ крокодилъ. Кому-то пришла мысль перерубить веревки, копорыми оный былъ прикрѣпленъ, и паденіе огромнаго Африканскаго звѣря на шкафы, въ конорыхъ за стеклами хранились раковины и ископаемыя, произвело ужасный шрескъ. Хохотъ, сопровождавшій сіе паденіе, сокрушившее драгоценное собраніе рѣдкостей, подобенъ

былъ хохоту Канибаловъ; но явленіе сего рода неразлучны съ войною. Въ нѣкопорыхъ комнапахъ видны были еще свѣжіе слѣды обывателей замка; на одномъ столѣ лежали женскія рукодѣлія: тупь я встрѣпилъ Фельдмаршала Блюхера, съ прудомъ державшагося на ногахъ.

Едва главная армія прибыла въ Труа, а Силезская къ брегамъ Марны, какъ гелій Наполеона, казавшійся съ самаго начала сего похода усыпленнымъ, пробудился и воспріялъ блескъ Италійскихъ войнъ его. Съ горстью войскъ онъ появлялся съ удивительною быстротою по всюду, гдѣ была возможность одержать поверхность, и останавливалъ движенія многочисленныхъ союзныхъ армій, нападая на слабѣйшія части ихъ. Успѣхи, имъ пріобрѣтенныя, заславили главную армію даже отступивъ отъ Труа и потомъ дѣлавъ разныя движенія, чтобы вновь соединиться съ Блюхеромъ, коего войска потерпѣли нѣсколько поражений. Въ семь прошелъ весь Февраль мѣсяць, равно какъ и въ совѣщаніяхъ Шапильонскаго Конгреса. Въ первыхъ числахъ Марша главная армія предприняла наконецъ наступательныя дѣйствія и явилась предъ Арисомъ. Здѣсь въ послѣдній разъ Напо-

леонъ и Александръ встрѣпилися на полѣ сраженія, и первый, истощивъ всѣ усилія, долженъ былъ опешупишь; онъ убѣдился въ невозможности далье пропотивустоять силамъ Александра и рѣшился произвестн одно изъ самыхъ опважныхъ движеній, которое однакоже не шокмо не было сопровождено желаннымъ успѣхомъ, но положило предѣлъ поприщу его, исполненному чудесныхъ происшествій, и привело насъ въ Парижъ, а пошому заслуживаетъ подробнаго изложенія.

По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ во время сраженія при Арсисѣ-на-Оби, и по допесеніямъ легкихъ опрядовъ, обнаружилось, что Наполеонъ, опешупая, взялъ направленіе къ Випри и, опрядивъ Маршала Нея для завладѣнія симъ городомъ, занятымъ союзными войсками, самъ переправился чрезъ Марну и поплылся къ Сент-Дизіе, чтобы дѣйствовать въ пылу союзниковъ, и пѣмъ заставивъ ихъ опешупишь къ Шомону и далье. Основываясь на сихъ извѣстіяхъ, Князь Шварценбергъ принялъ намѣреніе слѣдовать со всюю арміею за Наполеономъ, соединяся предварительно съ находившимся въ Шалонѣ Блюхеромъ, которому для сего и велѣно было немедленно

идти по направленію къ Витри, а главная армія выступила въ десять часовъ вечера къ деревнѣ Сомпю. Въ часъ по полуночи сдѣлали въ селеніи Дампьеръ привалъ, во время котораго привезли перехваченную непріятельскую почту; при распечатаніи оной были Князь Шварценбергъ, К. В** и Штабсъ-Секретарь Графъ Н**. Между бумагами находилось собственноручное письмо Наполеона къ Императрицѣ Маріи-Луизѣ, въ которомъ онъ увѣрялъ ее, что движеніемъ своимъ на наши сообщенія удалилъ насъ отъ Парижа и, присоединивъ къ себѣ гарнизоны крѣпостей Меца и Вердена, разобьетъ насъ на берегахъ Рейна и принудитъ отступить за сію рѣку. По прочтеніи сего письма К. В** предложилъ, чтобы соединился съ Блюхеромъ, отрядить только сильный корпусъ за Наполеономъ, а всѣмъ войскамъ идти прямою дорогою на Парижъ, куда прибывъ въ пять маршей, можно завладѣть онымъ прежде, нежели узнаешь о семъ Наполеонѣ. Князь Шварценбергъ нашелъ сію мысль слишкомъ смѣлою и спросилъ о нашей коммуникаціонной линіи, на что К. В** отвѣчалъ, что имѣя при себѣ запасные парки, понтоны и продовольствіе на десять

дней, не нужно беспокоиться о сообщеніяхъ, ибо въ случаѣ неудачи можно учредить паковыя на Фландрію. Фельд-маршалъ возразилъ, что онъ не осмѣлился на подобное предпріятіе, безъ соизволенія на то Государя и Короля Прусскаго. Въ послѣдствіи оказалось, что онъ имѣлъ отъ своего двора тайное повелѣніе не переходить Сейны: сіе любопытное обстоятельство, во многихъ отношеніяхъ поясняющее происшествія сего похода, я слышалъ однажды изъ устъ Государя, Который присовокупилъ, что Князь Шварценбергъ самъ объ ономъ рассказывалъ Его Величеству на Вѣнскомъ Конгрессѣ.

Въ два часа ночи мы выступили изъ Дампіера къ Сомпью, гдѣ на разсвѣтѣ сдѣлали вѣпоричный привалъ. Князь Шварценбергъ понесъ къ Государю перехваченныя письма и, выходя, сказалъ, что Его Величество оспается при прежнемъ мнѣніи, то есть, чтобы соединиться съ Блюхеромъ у Витри, идти со всѣми силами за непріятелемъ и атаковать его тамъ, гдѣ наспигнемъ. Сказавъ сіе, онъ съѣлъ верхомъ и уѣхалъ, а Государь велѣлъ позвать къ себѣ Генераловъ: Барклая-де-Толли, К. В**, Д** и Т** и, объявивъ имъ о

содержаніи письма Наполеона къ супругѣ своей, присовокупилъ, что мы идемъ вслѣдъ за нимъ. Всѣ были сначала согласны съ симъ мнѣніемъ, выключая одного изъ присутствовавшихъ, который предложилъ, чтобы во время предпринимаемаго движенія приказати Прусскому Генералу Бюлову, споявшему близъ Сенкантена, сдѣлати покушеніе на Парижъ. На сіе К. В** возразилъ слѣдующее: »Извѣстно, что въ Парижѣ находится сорокъ тысячъ національной гвардіи и ошпашки отъ разныхъ полковъ и, что сверхъ того недалеко отъ сей столицы расположены два корпуса Маршаловъ Морпье и Мармона. Всѣ сіи войска вмѣстѣ составляютъ девяносто тысячъ чловѣкъ; слѣдовательно нельзя надѣяться, чтобы Бюловъ съ тридцатью тысячами могъ предприняти что-либо важное, и онъ подвергается даже опасности, имѣя дѣло съ превосходнымъ въ числѣ непріателемъ. Къ тому же, идучи за Наполеономъ, мы должны соснавити сильный аріергардъ для опраженія корпусовъ помянутыхъ Маршаловъ; почему я предлагаю соединиться съ Силезскою армією и отрядити за Наполеономъ значительный корпусъ конницы и нѣсколь-

» ко полковъ пѣхоты, приказавъ для большаго удостовѣренія, что будто мы за ними идемъ съ арміею, заготовляя въездъ кварширы для Государя; самимъ же намъ направившись прямо на Парижъ черезъ Феръ - Шампенуазъ, а Блюхеру черезъ Эпожъ, имѣя между собою безпрерывное сообщеніе. Слѣдуя такимъ образомъ мы должны атаковать Маршаловъ Моршье и Мармона, гдѣ бы они съ нами ни повстрѣчались; мы ихъ разобъемъ, потому что вездѣ будемъ въ превосходныхъ противу нихъ силахъ, а съ Наполеономъ мы будемъ расходиться каждый день на два марша.»

Мнѣніе сіе было одобрено и Государь поѣхалъ поспѣшь за Княземъ Шварценбергомъ, котораго достигъ уже на высотахъ близъ Випри; съ нимъ находился Король Прусскій. Государь, пригласивъ ихъ сойти съ лошадей, объявилъ имъ о предложеніи К. В**, на которое они согласились и шутъ же на полъ предписали Блюхеру идти на Эпожъ; войскамъ приказали оспановиться тамъ, гдѣ повелѣніе ихъ достигнетъ, а Генерала Винценгероде отрядили съ 14-ю тысячами конницы, бригадою егерей и двумя легкими отрядами къ Сентъ - Дизіе. Въ

этого день, дабы непріятелей ввести болѣе въ обманъ, Государь расположился для ночлега въ Витри, а на слѣдующій мы пошли къ Феръ-Шампенуазу. Сей планъ надлежало нѣсколько времени хранить въ тайнѣ. Я никогда не забуду, какъ Генералъ Т**, по окончаніи совѣта, бывшаго въ Сомпью, сказалъ мнѣ на ухо: »Мы идемъ на Парижъ, но Бога ради не говори этого ни кому.« Сей же самый Генералъ первый извѣстилъ меня въ деревнѣ Филахъ о намѣреніи сдать Москву!

Г Л А В А Ц.

МАРШЪ ОТЪ ВИТРИ. — СРАЖЕНІЕ ПРИ ФЕРЪ-ШАМПЕНУАЗЪ. — ПОДВИГЪ ГОСУДАРЯ. — БѢЛЫЯ ПОВЯЗКИ. — ПРИВЛІЖЕНІЕ КЪ ПАРИЖУ. — НОЧЬ НАКАНУНЪ МОНМАРТРСКАГО СРАЖЕНІЯ. — ПЕРЕГОВОРЩИКЪ. — СРАЖЕНІЕ. — ПОСЛАННЫЕ ПАРИЖА.

Слѣдованіе арміи опть Витри къ Парижу было испинно торжественное. Погода во все время благопріятствовала и мы обыкновенно выснуали при первыхъ лучахъ солнца. Государь, въ сопровожденіи Прусскаго Короля, сыновей его, Графа Плапова, Фельдмаршала Князя Шварценберга, Англинскаго Посла Капкарша, нѣсколько разъ въ день объѣзжалъ гвардейскій и гренадерскій корпуса, привѣщивалъ Генераловъ и полковыхъ начальниковъ, которые всѣ почти были Его воспитанники, ибо образовались въ гвардіи предъ его глазами. Громкія и сер-

дечныя восклицанія: ура! барабанный бой и музыка возвѣщали прибытіе Его Величества къ каждому полку. Иногда Онтъ вѣзжалъ на возвышенія, лежація близъ дороги, и любовался густыми колоннами, распянутыми на неизмѣримомъ пространствѣ, поспѣшавшими къ довершенію великаго подвига. Вдали слышны были по временамъ выстрѣлы, извѣщавшіе о бѣгствѣ удалявшагося непріятели и о быспромъ его преслѣдованіи. Австрійцы, Прусакы, Баварцы, Виртембергцы и Баденцы, идя по стопамъ Русскихъ, вѣрили съ трудомъ, что успѣхъ увѣчиваетъ смѣлое предпріятіе: усращенные многолѣтними пораженіями, они думали, среди самыхъ побѣдъ, что непріятель разспавляется имъ стѣпи.

На претій день, по выступленіи изъ Випри, назначено было для главной квартыры мѣстечко Феръ-Шампенуазъ. Переходъ былъ великъ и цѣлой день продолжалася пушечная пальба, происходившая отъ нападенія на корпуса Маршаловъ Мармона и Мортье. Сраженіе утихло, когда мы пріѣхали въ Феръ-Шампенуазъ и, какъ положено было здѣсь ночевать, по многіе сошли съ лошадей и отправились въ назначенныя для нихъ дома. Вдругъ

послышались ружейные выстрѣлы, и Государь, сидѣвшій еще верхомъ, поскакалъ за деревню, въ сопровожденіи не болѣе чепырехъ или пяти челоувѣкъ. Мы увидѣли въ самомъ близкомъ-разстояніи нѣсколько на насъ шедшихъ кареевъ, коихъ появленіе было вовсе неожиданно, попому что въ направленіи, по которому шли кареи сіи, ни союзнымъ войскамъ, ни Французамъ идти не надлежало; недомѣніе продолжалось не болѣе минуты, пока не убѣдились, что это почно неприятели, по выстрѣламъ, сдѣланнымъ ими по офицеру, посланному для удостовѣренія въ наспорящемъ положеніи дѣла. Близъ Государя не было никакихъ войскъ, кромѣ лейбъ-казачьяго полка, находившагося въ конвоѣ; за версту стояла конная артиллерія. Государь поспѣшью послалъ за пѣхопою и конницею, и въ поже время приказалъ орудія подвезти на картечный выстрѣлъ, а казакамъ идти въ атаку, — Донцы понеслись съ обычною храбростію; вслѣдъ за ними ѣхалъ Александръ, и первый карей, не взирая на сильный ружейный огонь, былъ мгновенно смятъ.

Я приспально смотрѣлъ на Государя во время дѣйствія, или, лучше сказамъ,

не спускалъ съ Него глазъ, видя Его въ великой опасности; я не скажу, чѣмъ бы Онъ былъ совсѣмъ покоенъ, примѣрно было, что душа Его нѣсколько волновалась, но Онъ не измѣнилъ хладнокровію и съ спокойствіемъ распоряжался малымъ числомъ войскъ, подъ рукою находившихся. Я видѣлъ, какъ смерть носилась вокругъ Царя нашего и, какъ Онъ сплюль побѣдипелемъ посреди непріятельскаго карея, котораго офицеры и солдаты бросали оружіе свое. Государь началъ говорить съ командовавшимъ непріятельскимъ Генераломъ Пакто, который въ отвѣтахъ своихъ называлъ Его Величество Генераломъ. »Вы говорите съ Императоромъ«, сказалъ я плѣнному военачальнику. — »Это невозможно«, отвѣчалъ онъ »вашъ Государь вѣрно не поидеть лично въ атаку на пѣхоту съ одною конницею.« Императоръ, услыша нашъ разговоръ, приказалъ мнѣ не выводить Французскаго Генерала изъ заблужденія. Въ сіе время подоспѣла пѣхота Раевского и гусары Васильчикова, и въ самой скорости остальные два карея были разстроены; при чемъ взято въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человекъ. Это были войска, шедшія изъ Парижа, подъ командою Генераловъ

•

Пакто и Аме, на подкрѣпленіе Наполеону, котораго они полагали близъ сихъ мѣстъ.

Во время сраженія при Феръ-Шампенуазѣ нѣкоторые изъ офицеровъ союзныхъ войскъ были убиты своими, отъ того, что не имѣли бѣлой повязки на лѣвой рукѣ. Сынъ Баварскаго Короля, Принцъ Карлъ, едва спасъ жизнь свою; казаки хотѣли изрубить его, но онъ успѣлъ поднявъ вверхъ бѣлый плапокъ и сею предосторожностію оспановилъ смертельный ударъ. Съ Лейпцигскаго сраженія начали происходить недоразумѣнія между солдатами, копорые, по соединеніи всѣхъ почти Европейскихъ войскъ подъ одни знамена, не узнавая другъ друга, иногда спрѣляли въ своихъ союзниковъ. Полки державъ Рейнскаго союза, образованные Французами, имѣли мундиры похожіе совершенно на Французскіе; по сему надобно было придумать какой-либо знакъ отличія для войскъ, сражавшихся совокупно, для избѣжанія вредныхъ послѣдствій, копорыя бы могли безъ сего впредь возникнуть. По прибытіи въ Труа, Государь велѣлъ, чтобы Русскіе надѣли бѣлый плапокъ на лѣвую руку, каковому примѣру послѣдовали нѣкоторые изъ союзниковъ.

Уже прошли мы Сезаннъ, Ферпе-Гоше и Мо; оупъ сего города, разстояніемъ верстъ пятьдесять до Парижа, по обѣимъ сторонамъ дороги были богатыя селенія, прекрасныя сады и великолѣпныя замки, убранныя съ опмѣннымъ вкусомъ и заключавшіе въ себѣ библіотеки и картинныя галлерей; но помѣщиковъ въ нихъ не было. 17-го Марпа по полудни авангардъ нашъ наспигъ непріятеля, началось сраженіе, и Государь поѣхалъ къ войскамъ по горамъ и между куспарниковъ. Солнце садилось, прохладный вѣперъ освѣжалъ воздухъ послѣ дневнаго зноя, на небѣ не было ни одного облака. Вдругъ, сквозь дымъ сраженія, мелкнули башни Парижа. «Парижъ! Парижъ! вопъ онъ!» воскликнули всѣ, и всѣ на него указывали. Воспоргъ овладѣлъ нами; забыны трудности похода, усшалость, болѣзни, раны; забыны надшіе друзья и брагья, и мы спояли, какъ вновь оживленныя, на висопахъ, съ коихъ обозрѣвали Парижъ съ его окреспностями. Но пущъ къ оному прегражденъ още былъ непріятелями, коихъ аріергардъ соспавленъ былъ изъ Поляковъ. Сокрушенны уже бымы въ Россіи тѣ спрашныя легіоны, копорые завоевали Голландію, Швейцарію, Германію, Ишалію и Египептъ; спа-

сеніе Франціи вручено было иностранцамъ; Поляки почивались погда лучшими изъ непріятельскихъ войскъ. Спранная участь Славянскаго племени! Съ одной стороны соединенныя силы Европы, подъ предводительствомъ Славянскаго Царя, приступали къ шой столицѣ, съ завладѣніемъ которой водворялось всеобщее спокойствіе, а съ другой защита сей самой столицы возложена была на сыновъ Славянскаго поколенія.

Сумракъ вечерній положилъ конецъ сраженію и Государь поѣхалъ ночевать въ близъ лежащій замокъ Бонди. Съ балкона сего замка видны были огни, разложенные предъ биваками союзныхъ армій и на высотахъ, занятыхъ непріятелемъ; вокругъ все небо рдѣло отъ зарева, предвозвѣщавшаго, казалось, рѣшительный для участи вселенной день. Положено было рано по ушру атаковать непріятеля, если онъ вознамѣрится сопротивляться. Одни думали, что кровопролитіе будетъ ужасное и, что жители Парижа погребутъ себя подъ развалинами онаго; другіе же мыслили, что Парижъ надлежало защищать на берегахъ Рейна, а не у подошвы Монмартра, и надѣялись на скорую сдачу. Уже было поздно, но никто не

предавался сну, каждый предлагалъ свое мнѣніе, офицеры спорили съ Генералами; въ ожиданіи важныхъ событій изсчезаетъ между людьми различіе въ чинахъ и въ сословіяхъ, и уснаавливается само собою равенство, во время котораго берутъ верхъ одни дарованія. Мало по малу всѣ успокоились.

Часу въ четвертомъ по утру привели съ передовой цѣпи извѣстнаго Французскаго архитектора Пера, не имѣвшаго съ собою тубача; мнѣ приказано было удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ присланъ съ какимъ нибудь порученіемъ, или только для спасенія себя отъ плѣна, назвался переговорщикомъ. Полумертвый отъ страха, онъ разсказалъ мнѣ, что сограждане его въ великомъ волненіи, и что приверженцы Наполеона разсвѣдаютъ извѣстія оскоромъ приближеніи его съ арміею, утверждая, что союзныя войска, подошедшія къ столицѣ, ничто иное какъ отрѣзанный корпусъ. «Весь Парижъ,» продолжалъ онъ, «сего мнѣнія.» Но какъ было велико удивленіе его, когда я ему объявилъ, что всѣ наши силы, числомъ до двухъ сотъ тысячъ, здѣсь, что Наполеону преграждено сообщеніе съ столицею и что въ Бонди находится главная квар-

тира Государя. При сихъ словахъ я подвелъ его къ воротамъ, гдѣ спояла въ караулъ рота Преображенскаго полка, и сказалъ ему: »вошь и гвардія Его Величества.« Французъ, поблѣднѣвъ, опвѣчалъ: »сопротивленіе съ нашей стороны щеще-но; спасеніе Парижа пребуесть, чшобы я объяснился съ Императоромъ.« Онъ былъ допущенъ: Государь поручилъ ему объявить главнокомандующему непріяельскими войсками, чшо Его Величество пребуесть сдачи Парижа, чшо находитися предъ его спѣнами со всею армією своею и, чшо воюесть не съ Францією, а съ Наполеономъ,

Наспалъ день, войска пошли впередъ, загремѣлъ громъ орудій и упорно защищавшійся непріатель былъ вытѣсненъ изъ каждой позиціи, имъ занимаемой; возвышенія и деревни, лежащія впереди Парижа, поспешенно переходили во власпъ союзниковъ, и наконецъ, въ чепыре часа по полудни, Русскіе взяли приспупомъ послѣднюю высопу; Французы побѣжали въ городъ. Потеря наша проспиралася до десяти тысячъ человекъ. Она не была бы столь значительна и Парижъ взяли бы нѣсколькими часами ранѣе, ежелибы Фельдмаршалъ Блюхеръ получилъ

въ надлежащее время приказъ къ нападенію, но по одному изъ тѣхъ непредвидимыхъ случаевъ, которые не рѣдко встрѣчаются на войнѣ, повелѣніе сіе привезено было къ нему позже, нежели какъ слѣдовало, а пошому въ ожиданіи атаки Блюхера, Государь приказалъ сражавшимся въ виду Его войскамъ не быспро подаваться впередъ. Бой прекратился, настала всеобщая пишина и знамя Русское развилось на Монмартрѣ и Бельвилѣ. Государь вѣхалъ на сію послѣднюю гору, откуда были видны ясно улицы и дома Парижа; подвѣзены бапарей и послано объявить, что къ вечеру не узнають мѣста, гдѣ была столица, если она черезъ часъ не покорится.

Войска занимали въ долинѣ и по высотамъ пространство отъ Сень - Дени до Шарантона, ожидая приказанія испребитъ Парижъ или вступили въ него великодушными побѣдителями. Взоры всѣхъ устремлены были на сію столицу; тайное предчувствіе говорило, что война прекращена и каждый переносился мысленно въ свое опечесиво. Въ эту минушу торжесствовала Россія; общал радость превратилась въ безмолвіе; у многихъ видны были на глазахъ

слезы. Такъ спояли мы за полпора года на Поклонной горѣ, гдѣ Смоленскій размышлялъ, сражались ли передъ Москвою или уступить оную безъ кровопролитія. Тогда, горя чистѣйшею любовію къ отечеству, мы спрашились пережить славу Россіи, а нынѣ, лежавшій у ногъ нашихъ Парижъ напоминалъ весь рядъ побѣдъ опть Тарупина до Сейны! Въ скоромъ времени прѣехали Французскіе офицеры, присланные опть города съ предложеніемъ о сдачѣ онаго. Трепещущими шагами всходили они на гору и приближались къ Государю. Казалось, вся вселенная внимала въ сію минушу словамъ Его. Онъ обѣщаль щадить столицу и позволилъ выступить изъ оной находившимся въ ней войскамъ. Попомъ мы возвратились въ селеніе Бонди съ шѣмъ, чшобы на другой день выступить въ Парижъ. Съ вечера солдаты чистили оружіе и конскую сбрую, офицеры примѣривали лучшіе мундиры свои; всѣ готовились встрѣтить день, кошворому подобнаго небывало въ нашей Исторіи.

Г Л А В А Ш.

УТРО 19-ГО МАРТА. — КОЛЕНКУРЬ. — ОТЪ-
ѢЗДЪ ГОСУДАРЯ ИЗЪ БОНДИ. — ПРИВЛИ-
ЖЕНІЕ КЪ ПАРИЖУ. — МОНМАРТРСКОЕ
ПРЕДМЪСТІЕ. — БУЛЬВАРЫ. — ЕЛИСЕЙСКІЯ
ПОЛЯ. — ОКОНЧАНІЕ СМОТРА. — ВЕЧЕРЬ.

На зарѣ прекраснѣйшаго утра, 19-го Марта, начали сходиться на обширномъ дворѣ, передъ замкомъ Бонди, Генералы и офицеры, принадлежавшіе къ свитѣ Государя; встрѣчаясь, мы жали другъ у друга руку и безмолвствовали. Часу въ шестомъ пріѣхали въ нарядныхъ каретахъ чиновники Парижскаго городского правленія, которые опъ смятенныхъ мыслей едва могли говорить. За ними явился на лошади, предъ ворошамми замка, человекъ съ знакомымъ всѣмъ лицомъ, это былъ Коленкуръ, присланный опъ Наполеона съ предложеніями о мирѣ. Преображенскій солдатъ, сповѣ-

шій на часахъ, сказала, чптобы онъ сошелъ съ лошади, и Французскій Министръ принужденъ былъ повиноваться; увидя собравшихся надворъ офицеровъ, онъ снялъ шляпу и съ пошупленными глазами прошелъ мимо насъ. Между тѣмъ какъ докладывали объ немъ Государю, мнѣ поручили занять его разговорами; я просилъ его войти въ замокъ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на униженное положеніе сего временщика, котораго нѣкогда въ Россіи не зналъ мѣры своей надмѣнности. Императоръ провелъ съ нимъ болѣе часа и, по смущенному виду Коленкура при выходѣ, можно было заключить, что предложенія его были отвергнуты. Ровно въ восемь часовъ подвели Государю сѣрую лошадь, называемую Марсомъ, и мы поѣхали; на дорогѣ встрѣтили мы Короля Пруссака, а въ нѣкоторомъ разстояніи гвардію: никакое перо не дерзнетъ выразить воспора, съ коимъ она приняла Государя. Версты за при отъ города начали показываться Парижане; они спрашивали: »гдѣ Императоръ Александръ?«

Многочисленные здапія Парижа болѣе и болѣе становились видны; нѣкоторые изъ офицеровъ ѣздили рано по утрамъ въ

Парижъ и, возвращаясь, разказами своими, удвоивали желаніе бытъ скорѣе въ ономъ. Войны, порываемыя любопытствомъ, едва оспавались въ рядахъ своихъ; они горѣли непрерывнымъ войномъ въ городъ, который долгое время давалъ успокоеніе во вкусу, въ модахъ и въ просвѣщеніи, въ которомъ хранились сокровища наукъ и художествъ, который вмѣщалъ въ себѣ все упоенныя наслажденія жизни, гдѣ недавно писали законы народамъ и ковали для нихъ цѣпи, откуда выступали ополченія, проходившія все концы Европы и, который, однимъ словомъ, почитался столицей міра. Къ довершенію двухлѣтнихъ побѣдъ недоставало Русскимъ только бытъ въ Парижъ; до сей желанной минутой нельзя еще было насладиться плодами столь многихъ кровопролитныхъ битвъ, завоеванныхъ крѣпостей и испроверженныхъ царствъ. Каждый шагъ, шагъ онаго опдѣлявшій, не позволялъ вкусить въ полной мѣрѣ чувства, что Россія опомщена. Еще минута, и сокрушалась въ основаніяхъ своихъ могущественная Имперія, простиравшаяся отъ Балтійскаго моря до устья Тибра. Паденіе сильныхъ державъ подобно кончинѣ великихъ мужей: оно оспавляется

на время пустоту въ міръ; спрашиваютъ: кто замѣнитъ мѣсто того, котораго не спало? и жаждутъ знать, какія изъ онаго произойдутъ послѣдствія.

Въ девять часовъ утра мы прибыли къ предмѣстіямъ Парижа; впереди шла легкая конная гвардейская дивизія, имѣя въ головѣ лейбъ-казаковъ; въ нѣкоторомъ разстояніи опъ оной ѣхалъ Государь, окруженный блестящею свитою, а позади слѣдовали сперва гренадеры, потомъ пѣшая гвардія, кирасиры и нѣсколько баталіоновъ Австрійцевъ, Прусаконъ и Баденцовъ. Утро было прекрасное и часъ опъ часу воздухъ спановился ленте и благоуханнореннѣ. Небозримыя толны народа наполняли улицы, кровли и окна домовъ; сначала казалось, будто жипели чего-то опасаются, ибо радостныя восклицанія не были еще общими; изумленіе ихъ продолжалось нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ они спрашивали безпрерывно у насъ и другъ у друга: »гдѣ Государь?« — »Вопъ онъ, »вонъ Александръ«, взывали они, »какъ Опъ «милоспиво кланяется, съ какою ласкою »Онъ съ нами говоритъ!« Воображавши найпи въ Русскихъ, людей полудикихъ, изнуренныхъ походами, говорящихъ язы-

комъ для нихъ непонятнымъ, въ странныхъ одеждахъ, они едва вѣрили глазамъ своимъ, видя красоту Русскихъ мундировъ, блескъ оружія, веселую наружность воиновъ, здоровый цвѣтъ лица ихъ, ласковое обращеніе офицеровъ и, слыша оспроумные опвѣты ихъ на Французскомъ языкѣ. »Вы не Русскіе, говорили они намъ, »вы вѣрно эмигранты.« Они скоро удосповѣрились въ противномъ, и вѣспѣ о невѣроятныхъ свойствахъ ихъ побѣдителей перелепала изъ успѣвъ въ успѣа, похвалы Русскимъ загремяли повсюду, женщины изъ оконъ и съ балконовъ махали бѣлыми платками, привѣтствовали насъ движеніемъ рукъ, и мгновенно раздалось опъ одного конца Парижа до другаго восклицаніе: »да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ Русскіе!« произносимое миллиономъ голосовъ.

Между тѣмъ мы прошли Монмартрское предмѣстіе и поворопили на право по булеварамъ, гдѣ ликованія, возрасшая безпрестанно, превзошли всякую мѣру. Съ трудомъ можно было ѣхать верхомъ, жипели оспанавливали на каждомъ шагу лошадей нашихъ и, перевозносл Александра и Русскихъ, они почти вовсе не упоминали о прочихъ союзникахъ, изрѣдка

только слышно было: »да здравствуетъ
»Францъ или Фридрихъ!« Ободренные
привѣпливостію Императора, они нача-
ли желать перемѣны правительсва и
провозглашать Бурбоновъ; появились бѣ-
лые кокарды на шляпахъ и бѣлые плап-
ки въ воздухъ; многіе, пѣсьясь около Го-
сударя, просили, чптобы Его Величество
остался во Франціи: »Царствуйте надъ
»нами«, говорили они, »или дайте намъ
»Монарха, который бы былъ на васъ по-
»хожъ!«

Слѣдуя мимо великолѣпныхъ зданій
и памятниковъ, воздвигнутыхъ во славу
Французскаго оружія, мы достигли на-
конецъ Елисейскихъ полей, гдѣ Импе-
раторъ остановился и смотрѣлъ прохо-
дившія церемоніальнымъ маршемъ войска.
Стода успремались все Парижане, при-
влеченные новостію зрѣлища; Францу-
женки просили насъ сойти съ лошадей
и позволишь имъ вспать на сѣдла, чпто-
бы удобнѣе видѣть Государя. Сначала
шли Австрійцы; жандармы никакъ не
могли удержатъ народа, чптобы онъ не
входилъ въ ряды войскъ, любопытные
Парижане пѣснили Австрійскіе взводы;
но коль скоро показались Русскіе гре-
надеры и пѣшая гвардія, то Французы

Были споль поражены ихъ воинскою о-санкою, что не токмо не надобно было говорить имъ, что бы они споронились, но они все единодушно, какъ бы по нѣ-которому шайному согласію, опспупи-ли назадъ гораздо далѣе той черпы, ко-торая назначена была для зрителей. Они взирали съ безмолвнымъ удивленіемъ на гвардейскіе и гренадерскіе корпуса и со-знались, что армія ихъ, въ блистатель-ное время Французской Имперіи, не была въ шоль цвѣшущемъ положеніи, какъ сіи корпуса послѣ шрехъ безсмертныхъ по-ходовъ.

Смопръ кончился въ пятомъ часу по полудни и Государь опсправился въ домъ Талейрана, гдѣ Его Величество на первое время имѣлъ свое пребываніе. Часть войскъ заняла караулы, а прочія пошли въ назначенныя для нихъ въ городѣ квар-тиры. Въ сіе время чернь ругалася надъ памятниками, сооруженными въ честь прежнему обладателю ихъ, но большаа часть жителей казались погруженными въ недоумѣніе, какъ бы не довѣрля шому, что совершилося въ ихъ глазахъ и спра-шивали сами себя: правдали, что они ви-дѣли побѣдителей милосердыми и прос-вѣщенными? правдали, что Александръ

ограничиваесть плоды споржества своего щастіемъ покоренной спраны? Наспалъ вечеръ: побѣдипеламъ и побѣжденнымъ необходимо было спокойствіе; улицы начали пустѣть и мало по малу водворилась всеобщая пишина, пѣмъ болѣе ощутипельная, что въ теченіи предъидущихъ дней грудь каждаго волновалась опъ разнообразныхъ ожиданій и надеждъ, увѣнчанныхъ попомъ щаспливѣйшими событіями. Все, что мы видѣли и чувствовали, было споль изящно и велико, что воображенію ничего не оставалось приобщить или украсить: мы были обезсилены радостію.

Сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Почпи въ полночь я вышелъ изъ дома; никого изъ жищелей небыло видно на улицахъ; тамъ, гдѣ остановился Государь, расположенъ былъ бапаліонъ Преображенскаго полка. Огни въ домахъ угасли, въ Тюльерійскомъ дворцѣ не было также свѣта, у сего древняго зданія, служившаго попеременно жилищемъ Бурбоновъ, мѣспомъ засѣданій республиканскихъ правленій и дворцомъ обладателя изобильнѣйшихъ спранъ Европы,— но котораго Александръ не удостоилъ своего пребыванія,— находился Русской караулъ. Посреди ночной

пишины я достигъ непримѣнно до Пале-Рояля, гдѣ всѣ партіи, господствовавшія во Франціи въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, испытывали первыя свои силы. Въ саду и въ галлереяхъ онаго волновались тысячи народа, обуреваемого различными страстями: иные смотрѣли на небо и тяжко вздыхали, но большая часть толпилась около споявшихъ въ разныхъ мѣстахъ ораповъ, изъ коихъ одни славили Бурбоновъ, подъ скипетромъ копорыхъ предки ихъ жили нѣсколько столѣтій, а другіе, превознося прежнія побѣды свои, полагали не предпринимать ничего рѣшительнаго въ ожиданіи прибытія Наполеона съ арміею. То, что я шутъ видѣлъ, дало мнѣ первое, настоящее понятіе о революціонныхъ явленіяхъ и народныхъ совѣщаніяхъ. Сколько разнообразны были излагаемыя ими мнѣнія, но они всѣ почтили Русской мундиръ: я ходилъ по всему Пале-Роялю, спавовился въ толпы Парижанъ и былъ повсюду принимаемъ съ вѣжливостію. Я вошелъ въ кофейный домъ и не успѣлъ сѣсть, какъ присупствовавшіе начали пить единогласно за здоровье Русскаго офицера. Наконецъ я возвратился домой. Порядокъ нашею арміею былъ соблюденъ

до того, что никакое безчиніе не напоминало, что въ Парижѣ находилось болѣе ста тысячъ иностранныхъ войскъ; глубокое безмолвіе на улицахъ прерывалось только окликами Русскихъ часовыхъ.

ГЛАВА IV.

Прокламацій Государя и Французскихъ префектовъ. — Назначеніе Генерала Са-кена Губернаторомъ Парижа. — Милосердое обращеніе въ Парижъ. — Отвѣтъ Государя Сенаторамъ. — Изрѣченія Государя. — Памятникъ на Вандомской площади. — Аполлонъ Бельведерскій. —

На другой и наслѣдующіе дни все предавалось радостному упоенію; съ ранняго утра улица Сень-Флорантенъ, площадь Людовика XV и Тюльерійскій садъ, какъ мѣста прилежащія къ дому Талейрана, гдѣ жилъ Государь, покрывались множествомъ народа. Французы жаждали знать ходъ политическихъ дѣлъ; пріобыкшіе къ печальнымъ объ оныхъ извѣ-щеніямъ, посредствомъ которыхъ каждое изъ эфемерныхъ правительствъ, существовавшихъ съ начала революціи, спаралось привлечь народъ на свою сто-

рону, они толпами собирались предъ нашими окнами, прося, чтобы имъ раздавали печатные листки. На сей разъ любопытство ихъ имѣло основательную причину, потому что они могли надѣяться найсти въ оныхъ рѣшеніе своей участи.

Нѣсколько прокламацій, обнародованныхъ въ сіе время, были всѣ опъ имени Государя, а не опъ имени Прусскаго Короля или Австрійскаго Императора; онѣ носятъ на себѣ оппечатокъ возвышенныхъ чувствъ Александра и, невзирая на умѣренныя и скромныя выраженія, въ коихъ оныя сочинены, въ нихъ видно повеліеся Европы. Первая и, по содержанію своему, самая важная прокламація, подписанная Его Величествомъ, издана была въ самой день вступленія въ Парижъ въ три часа по полудни. Императоръ, приглашая въ оной Французовъ избрать временное правительство для составленія конституцій, объявляетъ, «что ни Онъ, ни союзники Его не войдутъ болѣе въ переговоры съ Наполеономъ и членами его семейства и что области, принадлежавшія Франціи при прежнихъ Короляхъ, будутъ неприкосновенны.»

Въ тотъ же день префекты полиціи Пакіе и Сейнскаго Департамента Шаброль повѣспили жителей, что Французскія войска должны были уступить превосходному числу союзныхъ армій, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе съ ихъ стороны было бы пагубно и что въ слѣдствіе того Парижъ сданъ. Въспъ между прочимъ собственныя выраженія ихъ: »безопасность лицъ вашихъ и имуществъ »ограждена договоромъ и обещаніемъ Императора Всероссійскаго, Который сего »упра изволилъ увѣрить городское правительство въ защитѣ своей и въ милости къ обывателямъ сей столицы.« Слѣдовательно никто другой, кромѣ Государя, не обезпечивалъ въ то время Парижанъ на счетъ единственныхъ благъ, оспариваемыхъ побѣжденнымъ, — существованія ихъ и собственности. Тогда же Спандъ-Секретарь Графъ Н*** объявилъ начальнику полиціи Пакіе Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи изъ плѣна Французовъ, содержавшихся въ оной за то, что они запрещали крестьянамъ стрѣлять по нашимъ войскамъ и были преданы Королевской фамиліи. Но мы увидимъ въ послѣдствіи, что заступленіе Императора распространилось и на при-

верженныхъ людей къ Наполеону. Покровительствуя такимъ образомъ всѣмъ сословіямъ вообще, Онъ устранилъ себя однакоже отъ дѣлъ частныхъ людей и велѣлъ извѣстивъ подававшихъ къ нему во множествѣ прошенія, что, находяся во Франціи для водворенія мира и счастья, Его Величество поставилъ себя долгомъ не вступаться въ ходъ и въ исполненіе законовъ, и приглашалъ по сему просителей обратиться къ временному правительству, или къ тѣмъ прусскимъ мѣстамъ, коихъ сужденію дѣла ихъ подлежали.

Въ Парижѣ назначили комендантовъ: Русскаго, Австрійскаго, Прусскаго и Французскаго, а Генераль-Губернаторомъ Сакена. Трудно было избрать на сіе мѣсто Генерала, котораго бы умѣлъ заставить болѣе его уважать имя Русскихъ и приобрести любовь жителей, ибо онъ соединялъ съ глубокою ученостію, твердый характеръ и привлекательное обращеніе. Лестное званіе, въ которое его возвели, было достойнымъ возмездіемъ за подвиги его въ минувшихъ походахъ: онъ рѣшилъ побѣду подъ Кацбахомъ и Бриенномъ и твердосію своею спасъ отъ гибели Силезскую армію при Шампоберѣ и

Монмираль. По вступленіи въ должность онъ запретишь преевожити и оскорбляти кого бы то ни было за политическія мнѣнія, или за наружныя, къмъ либо носимыя знаки. Соблюдая строго подчиненность между войсками и порядокъ въ городѣ, онъ привязалъ къ себѣ Парижанъ до такой степени, что повсюду былъ принимаемъ съ рукоплесканіями; при его появленіи воздухъ оглашался восклицаніями: «да здравствуетъ Генераль Сакенъ!» Когда онъ пріѣзжалъ въ театръ и занавѣсъ былъ уже поднятъ, то зрители преебовали, чтобы актеры снова начинали прееставленіе. Слѣдующій, опданннй имъ приказъ, можетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ правилъ, которыми онъ, въ управленіи своемъ, руководствовался: «осмотрѣвъ временный госпиталь, учрежденный въ предмѣстіи Руля, я свидѣтельствую начальникамъ онаго и чиновникамъ мою особенную благодарность за стараніе ихъ въ облегченіи скорби храбрыхъ воиновъ. Меня испинно пронула признапельность больныхъ къ тѣмъ лицамъ, коимъ ввѣрено о нихъ попеченіе; да благословишь также небо народъ, оказывающій вспомошествованіе

»раненымъ и больнымъ, безъ различія, жъ какой землѣ они принадлежатъ.»

Со вѣпораго дня занятія Парижа въ шеапрахъ начались предспавленія, почпы воспріяли свое дѣйствіе и разослали по принадлежностпи сотни тысячъ писемъ, назначенныхъ за границу, а также привезенныхъ изъ чужихъ краевъ, но при года задержанныхъ въ почтовомъ управленіи; отворили городскіе воропа, позволили всѣмъ по произволу изъ города уѣзжать, дороги въ окрестностяхъ столицы приведены въ безопасность и въ самомъ скоромъ времени банкъ производилъ по прежнему плашежъ Государственнаго долга и выдачу пенсіоновъ. Словомъ сказатъ, предиріяты всѣ мѣры къ возстановленію общаго спокойствія; даже приглашали жителей приносить жалобы на припѣсенія, неразлучныя съ военнымъ посоемъ.

Никто не могъ вообразить, чтобы съ Парижемъ поступлено было такъ снисходительно, потому что обиды, нанесенныя Французами каждому изъ союзниковъ, были столь чувствительны и поведеніе ихъ въ завоеванныхъ ими столицахъ столь оскорбительно, что всякое мщеніе съ нашей стороны, хотя не

справедливое, могло быть извинительно. Таковое милосердіе имѣло главною причиною благородный образъ мыслей Государя; Ему одному должно приписать торжество благости, покрывшее на всегда Русское имя неувядаемою славою. Въ послѣдствіи мнѣ случалось слышать неоднократно изъ устъ Его правило: »чтобы крупными мѣрами не достигать до своей цѣли;« а попому Онъ обыкновенно избиралъ средства, которыми не только никого не вооружали, но напрошивъ привязывали къ Нему сердца даже нѣхъ людей, которыхъ мнѣнія не согласовались съ Его образомъ мыслей.

Чиновники различныхъ присутственных мѣстъ на перерывъ просили позволенія представиться Государю, выходя же отъ Его Величества, не могли скрывать своего восхищенія. Его отъвѣтъ Сенаторамъ произвелъ неописанную, общую радость. Императоръ сказалъ имъ: »человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, напалъ на мое Государство не справедливимъ образомъ; а по сему я веду войну съ нимъ, а не съ Франціею; я другъ Французовъ. Насполицій вашъ поспеюкъ, коимъ вы лишили престола Наполеона и его семейство, соединяетъ

«меня еще болѣе съ вами; благоразуміе
 »требуешь, чпобы учреждено было во
 »Франціи правительсво на основаніяхъ
 »твердыхъ и согласныхъ съ наслощимъ
 »просвѣщеніемъ сего Государства. Союз-
 »ники мои и я будемъ покровительст-
 »воватъ свободѣ вашихъ заведеній.» Ос-
 тановляя на минушу, Императоръ про-
 должалъ: «въ доказательсво прочной
 »связи, копорую я намѣренъ заключить
 »съ вами, я возвращаю всѣхъ Француз-
 »скихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи;
 »временное правительсво меня уже объ
 »нихъ просило, но я ихъ уступаю Сена-
 »ту въ уваженіе сдѣланнаго имъ сего дня
 »опредѣленія.» Сенатъ положилъ запи-
 сать слова сіи въ журналъ и обнародо-
 вать оныя во всеобщее свѣденіе, что не-
 медленно и было исполнено посредствомъ
 вѣдомостей и печатныхъ объявленій,
 прибитыхъ на стѣнахъ домовъ. »Возда-
 »димъ вѣчную благодарность,« такъ оп-
 зывается одно изъ верховныхъ присут-
 ственныхъ мѣстъ, »за великодушнѣйшій
 »послупокъ, о копоромъ лѣтописи міра
 »упоминають. Императоръ Всероссійскій
 »успѣшаетъ двѣсти тысячъ семействъ,
 »даруя свободу несчастнымъ Французамъ,
 »коихъ жребій войны предоставилъ во-

»власть Его, и Его Величество уско-
 »ряешь пу счастливую минупу, въ ко-
 »шоруу мы увидимъ брашьевъ, друзей
 »нашихъ и сыновей.«

Ежедневныя вѣдомоспи были напо-
 лнены шолько объ одномъ Государѣ; каза-
 лося, что прочіе союзники были чужды
 для Парижа. Слѣдующія изрѣченія Его
 Величества находились во всѣхъ газетахъ:
 при въѣздѣ въ Парижъ Государь сказалъ
 толпившемуся около Него народу: »Я
 »вспупаю не врагомъ, а возвращаю вамъ
 »миръ и шорговлю.« — »Мы уже давно о-
 »жидали прибытія Вашего Величества,«
 сказалъ одинъ Французъ, на что Импе-
 раторъ отвѣчалъ: »Я бы ранѣ къ вамъ
 »прибылъ, но обвиняйте въ моей медлен-
 »ности хробрость вашихъ войскъ.« Про-
 ѣзжая по Вандомской площади, на копто-
 рой воздвигнута огромная колонна со
 спашуею Наполеона, Государь произнесъ
 сін слова: »еслибъ я споялъ шакъ высо-
 »ко, шо боялся бы, что у меня закру-
 »жишся голова.« —

Одна изъ любопытныхъ спашей, об-
 народованныхъ когда либо правительсп-
 вомъ покоренной спраны, еспъ слѣдую-
 щая: »опъ полиціи объявляется, что
 »памятникъ на Вандомской площади, со-

»стоитъ подъ покровительствомъ великодушія Его Величества Императора Всероссийскаго и союзниковъ Его. Находящееся наверху изваяніе, при перешагиваніи ихъ обстоятельствахъ, не можетъ болѣе паче оспаваться, по чему оно замѣняетъ изображеніемъ мира.« На колоннѣ сей, сооруженной въ честь побѣдъ Французскихъ войскъ, поставлена была, какъ упомянуто, статуя Наполеона, къ которой народъ привязывалъ неоднократно веревку и тащилъ ее внизъ при ужасныхъ крикахъ; одинъ смѣльчакъ влѣзъ на плеча оной и билъ ее по щекамъ, а что она во все не истреблена разъяреною чернью, за то Парижане обязаны Монархамъ, въ столицахъ коихъ, Наполеонъ руководствовался совѣмъ другими правилами.

Въ сіе время союзники наши, по праву побѣдителей, отбирали то, что Французы увозили нѣкогда изъ Германіи и Испаніи; Русскіе глядѣли на сіи поступки какъ посторонніе и безпристрастные зрители; имъ нечего было требовать обратно, потому что они считались съ непріятельми еще въ нѣдрахъ своего отечества. Я вспрѣтилъ однажды въ такъ называвшемся Наполеоновомъ музе-

умъ, вмѣщавшемъ въ себѣ истинныя сокровища художествъ, Государя, сопровождаемаго извѣстнымъ въ ученое свѣтъ Денонъ, бывшимъ главнымъ начальникомъ сего музеума. Государь замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ подножіяхъ не было спашуй и, показывая на одно изъ нихъ, спросилъ: »что на ономъ прежде стояло?— «Аполлонъ Бельведерскій, опвѣчалъ Денонъ.» — »Гдѣ же онъ теперь?« продолжалъ Императоръ. — »При угрожавшей Парижу опасности, сказалъ униженно Денонъ, мы отправили его къ Орлеану.« — »Если бы оставили его въ Парижъ,« возразилъ Александръ, »то я увѣрю васъ, что никто бы къ нему не прикоснулся, но теперь, если казаки его возьмутъ на дорогъ, то это будетъ законная добыча.«

Г Л А В А V.

ЗАМЫСЕЛЪ НАПОЛЕОНА.— ПЕРЕГОВОРЫ СЪ
МАРШАЛОМЪ МАРМОНОМЪ.— ОТРЕЧЕНІЕ
НАПОЛЕОНА.— ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ПРИВЕР-
ЖЕНЦОВЪ НАПОЛЕОНА.— ФРАНЦУСКІЕ ВО-
ЕННЫЕ.— ПАТРАЖДЕНІЯ ФРАНЦУЗОВЪ.—
МОЛЕБЕНЬ.— ЛАГАРПЪ.— АЛЕКСАНДРЪ
ВЪ ЕЛИСЕЙСКОМЪ ДВОРЦѢ.

По занятіи Парижа война была пре-
кращена, ибо ничто уже немогло про-
тивиться могуществу Александра; оста-
валось только обезоружить Наполеона,
котораго Сенатъ и временное правитель-
ство, учрежденное 20-го Марта, лиши-
ли престола. Однако же крупной нравъ и
неумѣренное властолюбіе бывшаго обла-
дателя Франціи, подавали поводъ думать,
что онъ будетъ всеми мѣрами стараться
продлить войну, и хопя онъ не могъ на-
дѣяться на успѣхъ съ горстью изнурен-
ныхъ войскъ, коими онъ еще располагалъ,

по преданность ихъ къ нему была шоль неограниченна, что они послѣдовали бы повсюду за своимъ, нѣкогда побѣдоноснымъ, вождемъ. Въ день нашего вступленія въ столицу Франціи, онъ подѣзжалъ къ ней на нѣсколько верспъ и остано-вился въ мѣстечкѣ Виль-Жвифъ, гдѣ узналъ, что въ Парижѣ уже властвовали Александръ: что происходило въ сіе мгнове-ніе въ душѣ его, того никакая кисть изобразить не въ состояніи. Съ сего вре-мени онъ удалился въ Фонтенебло, гдѣ еще нѣсколько дней вращалъ въ мысляхъ средства изпоргнувъ побѣду изъ рукъ союзниковъ: это были судорожныя дви-женія опчаянія. Онъ думалъ опступить за Лоару, или соединиться съ Маршаломъ Ожеро, сполвшимъ близъ Ліона, и при-плунуть къ себѣ изъ Ломбардіи корпусъ Вице-Короля Италійскаго; но болѣе чѣмъ сіи соображенія, занимала его мысль уда-рить прямо на Парижъ, въ надеждѣ, что союзники не примутъ сраженія, имѣя въ тылу сей обширный городъ и, что жишеди онаго, воспламенясь при видѣ опечесственныхъ знаменъ, бро-сятся къ оружію, чтобы возвратить свою утраченную славу. Чувство народ-ной чести бываетъ сильнѣе чувства граж-

данскихъ бѣдствій; можетъ быть, что истина сія неизмѣнилася бы въ Парижѣ, коего большая часть обывателей, одаренныхъ быстрымъ воображеніемъ, находились прежде въ военной службѣ, въ такое время, когда щастіе постоянно имъ сопутствовало. Разсматривая сіи обстоятельства, видимо было, что они не могли поколебать могущества союзниковъ, а произвели бы только одно напрасное пролитіе крови; почему, для избѣжанія онаго, намъ приказали черезъ три дня послѣ занятія Парижа готовиться къ походу, чтобы истребить послѣднія силы Наполеона; на случай отсутствія Государя назначенъ былъ Генералъ Поццо-ди-Борго повѣреннымъ въ дѣлахъ при временномъ правительствѣ.

Между тѣмъ вступили въ тайныя сношенія съ Маршаломъ Мармономъ, спольшившмъ впереди Фоншенбло, и послали къ нему находившагося издавна съ нимъ въ связяхъ Г-на Монпессю, съ извѣщеніемъ о непремѣнной волѣ союзныхъ Монарховъ — положить конецъ владычеству Наполеона. Господинъ Монпессю, выполнивъ порученіе сіе самымъ удачнымъ образомъ, возвратился на другіе шукки съ письменнымъ отвѣтомъ

Маршала Мармона, который обещалъ перейти на нашу сторону съ нѣкоторыми условіями, касавшимися до сохраненія жизни и соспоянія прежняго своего повелителя. Не теряя времени согласились на его пребыванія, и онъ, съ двѣнадцати-тысячнымъ корпусомъ, оспавиль Французскую армію, прошелъ ночью сквозь нашу цѣпь и расположился около Версали.

Сей поступокъ убѣдилъ Наполеона въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія; онъ отправилъ въ Парижъ Колленкура и маршаловъ Нея и Макдональда, съ предложеніемъ опречься опъ престоломъ въ пользу сына своего; ему опказали, и онъ явилъ въ несчастіи сполько же покорности, сколько былъ неумолимъ во дни своихъ успѣховъ. Онъ принялъ безопговорочно оспровъ Эльбу и нѣсколько милліоновъ годового дохода для себя и для родственниковъ своихъ. Примѣчательно, что въ переговорахъ объ участіи лютаго врага Россіи, мечтавшаго нѣкогда отодвинуть предѣлы ея до Днѣпра и Двины, посланные изъ Фонтенебло опносились къ Государю, а не къ другому кому изъ союзныхъ Монарховъ, вмѣсто которыхъ Его Величество говорилъ и

*

дѣйствоваль. Должно предоставишь Испоріи рѣшитъ вопросъ, кпо заслуживаспъ болѣе удивленія, Александръ ли, обезпечивающій, вопреки многихъ дѣланныхъ ему представленій, существованіе Наполеона, или сей послѣдній, пріемлющій дары опъ своего соперника? Когда такимъ образомъ оградили судьбу Наполеона съ его семействомъ, по пребываніе ихъ во Франціи не было уже совместно съ обшпояшельствами, собственная ихъ безопасность требовала, чпобы они отправилися за границу. Почши всѣ они выѣхали изъ Парижа съ Русскими паспортами, и въ сопровожденіи Адьютантовъ Государя: Наполеону сопуществовалъ Графъ Шуваловъ, который нѣсколькo разъ спасалъ жизнь его опъ народной ярости.

Хопл новый порядокъ вещей, успаовленный во Франціи, обѣщаль сѣ миръ и кропкое правленіе, однако же памъ находилося еще много людей, приверженныхъ къ развѣичанному герою; одни одолжены ему были мѣспами и почесшями, а другіе, какъ напрімѣръ, покупщики дворянскихъ и духовныхъ имѣній, видѣли въ немъ залогъ прочнаго обладанія своею собственностію; наиболѣе сожалѣли о

кумиръ своемъ военные. По сей причинѣ милоспи, оказываемыя Государемъ ему и членамъ его фамиліи, привлекали на нашу спорону многочисленное сословіе его почипапелей, между пѣмъ какъ прочіе союзники, явля къ нимъ очевидную холодность, удаляли ихъ опть себл. Скажупь, можепъ быть, что Александръ въ поступкахъ съ низверженнымъ проппивникомъ своимъ руководимъ былъ пщеславіемъ, и, что онъ въ семъ случаѣ плапилъ свойспвенную великимъ душамъ давъ желанію пріобрѣспъ лишнюю спранцу вѣ Испоріи, зная что каждое дѣйспвіе его — принадлежность потомспва. Но въ опроверженіе сего мнѣнія я приведу происшествіе, о кошоромъ нельзя было полагать, чтообы оно когда нибудь сдѣлалосл гласнымъ, но совершенной ничшожности своей въ сравненіи съ великими событіями, тогда совершавшимися: оно послужипъ пакже доказательствомъ, сколько сердце Александра чуждалосл мщенія. Однажды Онъ получилъ опть одной Француженки письмо слѣдующаго содержанія: «мы лишились въ Наполсонѣ нашего благодѣтеля, а съ нимъ вмѣспъ способовъ существованія; хотл Ваше Величество вели противъ его войну, но Французы

»почитаюпть Ваше великодушіе. Основы-
 »вался на семъ общемъ мнѣніи, я прибѣ-
 »гаю съ просьбою, снабдитъ меня такимъ
 »количествомъ денегъ, чпобы я могла
 »безпрепятственно доѣхать до Тосканы
 »и поселиться противъ береговъ остро-
 »ва Эльбы; тамъ я буду имѣть въ виду
 »мѣста, гдѣ обитаетъ человекъ, на ко-
 »шораго взоры мои были и будущъ устре-
 »млены. Мнѣ приказали, отыскавъ
 просительницу, неподписавшую имени
 своего, вручить ей попребныя на про-
 ѣздъ ея деньги.

Во время переговоровъ объ опреченіи
 Наполсона, офицеры его арміи начали прі-
 ѣзжать изъ Фонтенебло въ Парижъ; но
 когда участіе его рѣшилась, столица на-
 полнилась ими. Какъ миръ еще не былъ
 подписанъ, то они не знали, будетъ ли
 присутствіе ихъ тамъ шерпно, а по-
 тому скрывались, не осмѣливаясь пока-
 зываться въ мундирахъ и въ публичныхъ
 мѣстахъ. Когда сіе дошло до свѣденія Го-
 сударя, то Онъ приказалъ обнародовать
 слѣдующее объявленіе: »Узнавъ, чпо мно-
 »гіе изъ Французскихъ военныхъ всѣхъ чи-
 »новъ находяпся нынѣ въ Парижѣ, или
 »по поводу теперешнихъ обстоятельствъ,
 »или для поправленія здоровья, распро-

«еннаго походами и ранами, полученны-
 »ми на полѣ чести, Его Величество ни-
 »какъ не полагаетъ, чтобы они почипа-
 »ли нужнымъ скрыватьсь. Во всякомъ слу-
 »чаѣ Ему пріятно объявить имъ, что
 »они свободны, совершенно свободны и,
 »что имъ, какъ и прочимъ Француз-
 »скимъ гражданамъ, предписаны обязан-
 »ности способствовать къ пѣмъ мѣрамъ,
 »кошорыя надлежитъ принять для бла-
 »годенствія Франціи.»

Можно было узнать Французскихъ
 офицеровъ сколько же по мрачному виду,
 сколько и по мундирамъ. Вникая въ
 свойство военныхъ, нельзя было требо-
 вать, чтобы они съ самаго начала обош-
 лись съ нами ласково: они могли не ина-
 че, какъ поспешно, признать спасите-
 лей своего опечеснва въ людяхъ, про-
 шивъ кошорыхъ долгое время сражались.
 Они обращались съ Русскими вѣжливѣе,
 нежели съ прочими союзниками, съ кои-
 ми бывали у нихъ не рѣдко поединки;
 особенно къ Прусакамъ они питали оп-
 личную ненависть пакъ, что между ни-
 ми почти ежедневно проливалась кровь.
 Нѣмецкіе офицеры, хотя и сосѣди Фран-
 ции, но привыкаютъ шруднѣе къ Фран-
 цузскимъ правамъ, языку и обхожденію,

чѣмъ Русскіе. Въ сіе время намъ позволили бывасть во фракахъ, въ копорыхъ мы являлися уже въ обществахъ, какъ мирные граждане. Прусаки и Авспрійцы не переспавали ходить въ мундирахъ, къ тому же они не спаралися скромностію поведенія возвысись, ипакъ сказасть, свое поржеспво. У Авспрійцевъ естъ обыкновеніе носить въ военное время на киверахъ и шляпахъ зеленыя вѣшви, которыми Французы обижалися, принимая оныя за изображеніе лавровъ, и опъ сего случалися ссоры и даже убійства. Напрошивъ того Парижанамъ нравилося чрезвычайно, что мы носили бѣлую повязку на лѣвой рукѣ и, что присовокупили бѣлую кайму къ нашимъ кокардамъ на шляпахъ. Сіе, повидимому маловажное обстоятельство, обращало въ нашу пользу общее мнѣніе, господствовавшее тогда во Франціи, и содѣлывало тѣснѣе связь между нами, потому что все почти Французы, безъ изъятія, украшалися бѣлымъ цвѣтомъ въ знакъ привязанности своей къ Бурбонамъ и желанія скорого ихъ возвращенія.

Награждал щедро Русскихъ и офицеровъ союзныхъ армій, Императоръ поч-

шилъ равномерно и Французскихъ чиновниковъ своими милостіями. Такимъ образомъ онъ пожаловалъ орденъ Господину Моншессю, которой первый ѣздилъ къ Маршалу Мармону, съ предложеніемъ перейти на нашу сторону; полковнику Лескуру, которой спасъ Парижъ, не исполнивъ даннаго ему приказанія опъ Наполеона взорвать пороховый магазейнъ, находившійся на Гренельскомъ полѣ; Архитектору Перу, захваченному нашими разбѣздами на канунѣ Монмартрскаго сраженія и успѣшно исполнившему порученіе, данное ему Императоромъ къ генералу Французскому, начальствовавшему войсками въ Парижѣ, и разнымъ другимъ особамъ, а особенно Французскимъ врачамъ, имѣвшимъ попеченіе о нашихъ больныхъ. Однажды Парижскіе банкиры пожертвовали въ пользу нашихъ раненыхъ восемь тысячъ франковъ, вырученныхъ ими опъ промѣна Русскихъ ассигнацій. Государь, изъявивъ имъ свое благоволеніе, приказалъ деньги сіи раздѣлить на четыре части, изъ коихъ одну оставилъ для Русскихъ, а остальные опдалъ Австрійцамъ, Прусакамъ и Французамъ. Деньги, назначенныя послѣднимъ, опсланы Генераломъ Сакеномъ къ военному Министру

Дюпону, при письмѣ, заключавшемся сими словами: »Я почитаю себя щаспливымъ, »что Его Величеству угодно было избрать »меня для объявленія вамъ сей Монаршей »милоспи, изливаемой на вашихъ соопече- »спвенниковъ, коихъ храброспи я имѣлъ »много случаевъ бытъ свидѣтелемъ.«

Одинъ изъ незабвенныхъ дней было свѣтлое воскресенье, въ которое пѣли молебенъ на площади Лудовика XV; для Богослуженія сооруженъ былъ престоль на мѣстѣ казни послѣдняго Короля Французскаго. Съ ранняго, прекраснаго утра распавлены были наши войска на улицахъ и на площади, и необозримыя полны народа покрывали оныя и примыкающія къ нимъ аллеи Тюльерійскаго сада и Елисейскихъ полей. Государь, въ сопровожденіи множеспива иноспранцевъ, въ числѣ копорыхъ находилися нѣскольо Французскихъ Маршаловъ и Генераловъ, объѣхалъ войска и, прибывъ на площадь, на копорой служили молебенъ, преклонилъ со всѣми окружавшими его колѣна шамъ, гдѣ за двадцать лѣтъ пролипа была кровь добродѣтельнаго Монарха. Молитва всегда возвышаетъ душу, но она исполняла насъ неизъясными чувствами, когда мы изливали благодареніе

наше Всевышнему посреди Парижа. Сей день былъ днемъ торжества благочестія Александра. Въ древнія и въ новыя времена покоряли Царства, но не бывало примѣра, чѣобы посреди плѣнной споллицы побѣдитель именовалъ себя только орудіемъ Провидѣнія и успѣхи свои приписывалъ одному Богу. Когда молбствіе кончилось, по гулъ Русскихъ пушекъ раздался по Парижу; громъ орудій, зашумившій мѣсто тишины во время служенія, попрясъ глубину сердець нашихъ.

Въ тотъ же день Государь пожаловалъ бывшему своему наставнику Лагарпу, находившемуся въ чинѣ полковника, орденъ свяаго Андрея Первозваннаго. Уже на другое утро, по занятіи Парижа, меня посылали къ супругѣ Лагарпа извѣстить ее, опъ имени Императора, что мужъ ея находится въ безопасности въ главной кварширѣ Австрійцевъ, предложить ей опъ Его Величества всѣ возможные услуги, караулъ въ загородной домъ ея и деньги, ежели ей оныя нужны; сверхъ того приказано было мнѣ ей сказать, что Государь не имѣлъ еще ни одной минуты, чѣобы ее постигнуть, но что въ самомъ скоромъ времени будетъ

лично у ней. Я нашелъ у госпожи Лагарпъ многочисленное собраніе, и когда сообщилъ ей о волю Императора, то она, заплакавъ, отвѣчала: »вы видите мои слезы, вопль мой описвѣтъ.«

Черезъ нѣсколько дней, послѣ праздника Пасхи, Государь перѣхалъ изъ дома Тамейрана въ Елисейской дворець. Въ скоромъ времени прибылъ въ Парижъ Императоръ Франць, который, во время движенія Наполеона на Сень-Дизіе, отправился въ Дижонъ къ Австрійской арміи и съ тѣхъ поръ находился при оной. Въ день пріѣзда Государь встрѣпилъ его при Русскихъ войскахъ, стоявшихъ въ парадѣ, и отданъ былъ пароль: Вѣна, а Лозунгъ: Франць. Началися о мирѣ переговоры, которые Государь велъ лично, а въ свободныя часы осматривалъ достопримѣчательныя заведенія, находящіяся въ Парижѣ, посѣщалъ членовъ Королевской фамиліи, Императриць Марію Луизу и Юзефину, дочь ея, Принца Евгенія и нѣкоторыхъ сановниковъ, и приглашалъ къ своему столу знаменитыхъ людей всѣхъ сословій, безъ различія паршій, къ которымъ они принадлежали.

ГЛАВА VI.

Набожность Русскихъ. — Солдаты. —
Ласковое обращение Парижанъ. — При-
емъ Государя въ театръ. — Похвалы Го-
сударю. — Рѣчи членовъ Института. —
Засѣданіе Института.

Французы, копорыхъ знаменитѣйшіе соотечественные писатели проповѣдывали безвѣріе въ шеченіи спольтія, были крайне удивлены набожностію Государя и Русскихъ. Поколвніе, образованное въ правилахъ Вольтера и Дидерота, бывшее въ зрѣломъ возрастѣ своемъ свидѣтелемъ, что народный конвентъ, директорія и Наполеонъ почитали вѣру единственно необходимымъ зломъ и орудіемъ къ доспигенію власти и удержа-нію ея, не могло не быть изумлено, взирая на благочестіе своихъ побѣдипелсей, косяго признаки поражали его даже въ самыхъ медаляхъ, успановленныхъ въ па-

мять опечешвенной войны. Вотъ что
 помѣщено о семъ предметѣ въ одномъ
 изъ лучшихъ журналовъ погдашняго вре-
 мени, а періодическія сочиненія во Фран-
 ціи суть опголоски общаго мнѣнія: »Ни-
 »кто не можетъ придти въ себя, видя,
 »что Монархи Европы, которые имѣли
 »право мстить за столько причиненныхъ
 »имъ оскорбленій и требовать вознагра-
 »жденій разнаго рода, являюся посреди
 »насъ избавителями, вмѣсто враговъ и
 »завоевателей, которыхъ мы успраша-
 »лись. Спрашивается, что внезапно оп-
 »вратило отъ насъ грозу, которая по
 »собственной винѣ нашей должна была раз-
 »разиться надъ нами, что смягчило сихъ
 »храбрыхъ воиновъ, которыхъ мы ожес-
 »точали и возстановляли противъ себя?
 »Надобно сознаться, что это религія,
 »она образовала священный союзъ ихъ для
 »блага человѣческаго рода, всѣ войны ихъ
 »носятъ знаки ея на своей одеждѣ. Ни-
 »какая другая человѣческая причина, не
 »могла подвигнуть ихъ къ такимъ по-
 »жертвованіямъ, которыми нѣтъ при-
 »мѣра въ Исторіи.« »Мы слышали,« го-
 »воритъ другой журналистъ, »что моло-
 »дые Русскіе офицеры рассказывали, въ
 »самый день торжественнаго вступленія

»своего въ Парижъ, о подвигахъ своихъ
 »опъ Москвы до Сейны, какъ о дѣлахъ,
 »въ кошорыхъ они были предводимы про-
 »мысломъ Божиимъ; себѣ они предоспав-
 »ляли только шу славу, чпо они были
 »избраны орудіемъ Его милосердія. Они
 »описывали побѣды свои безъ воспорага
 »и въ шакихъ проспыхъ выраженіяхъ,
 »чпо мы думали, чпо они о семъ усло-
 »вились изъ особенной учпивости. Они
 »намъ показали серебряную медаль, ко-
 »порую Генералы и солдапы носятъ въ
 »видѣ знака опличія. На одной споронѣ
 »сей медали изображено око провидѣнія,
 »а на другой слова изъ священнаго писа-
 »нія: не намъ, не намъ а имени пвоему.»

Наши солдапы, которыхъ содержали
 въ такой же подчиненности, какъ и въ
 Россіи, обходились самымъ дружескимъ
 образомъ съ обывателями городовъ и де-
 ревень. Въ Парижѣ расположены были
 только опборныя войска; роспъ ихъ,
 сила, проспота образа жизни, и самос
 псвѣденіе мѣспъ, куда они были заведены
 службою, все сіе возбуждало любопыш-
 ство Французовъ. Одинъ писатель ихъ
 изображаетъ въ сихъ словахъ нашъ лагерь:
 »Множество Парижанъ бываюпъ въ Ели-
 »сейскихъ поляхъ, чпобы видѣпъ бива-

»ки конныхъ полковъ Россійской гвардіи,
 »въ копорыхъ люди необыкновенной ве-
 »личины и плесной крѣпости; иные ка-
 »жущся въ сажень. Доспойно удивленія,
 »какъ люди и лошади сохранились въ томъ
 »хорошемъ состояніи, потому что они
 »пришли изъ опдаленныхъ земель, были
 »въ частыхъ сраженіяхъ, и претерпѣли
 »жестокую и продолжительную зиму.
 »Парижане, почитавшіе Бельвиль и Ар-
 »жаншейль, Сенклу и Медонъ границу
 »сѣвѣа, они, копорымъ военные станы
 »извѣстны только по разсказамъ сыпо-
 »вей ихъ, смотрящъ съ удовольствіемъ на
 »биваки, устроенные посреди ихъ горо-
 »да. Остатки сѣна, копораго лошади не
 »сѣли, служатъ солдатамъ поспелью.
 »Луки соломы покрываютъ копья ихъ,
 »приспавленные къ деревьямъ, что обра-
 »зуетъ родъ кровли, а подъ оною нахо-
 »дятся всадники и имущество ихъ. Пе-
 »редъ каждымъ бивакомъ разложены огни,
 »гдѣ варятъ нищу; здѣсь видится воина,
 »копорой рѣжетъ мясо, другой рубитъ
 »дрова, иной чиститъ оружіе или оп-
 »дыхаетъ, имѣя изголовьемъ сѣдло своей
 »лошади. Многие изъ нихъ слушаютъ съ
 »удовольствіемъ, какъ бы разумѣя, замѣ-
 »чанія прогуливающихъ на сѣпѣ обы-

» часвъ ихъ; отвѣповъ же, дѣлаемыхъ ими
» на наши вопросы, мы или не понимаемъ
» во все, или только опчаспи по шѣлдви-
» женіямъ, въ которыхъ видно добродушіе
» ихъ и искреннее съ нами согласіе.»

Не возможно и намъ забыть ласковаго обращенія Парижанъ, которыхъ дома и сердца были опкрышы для Русскихъ; появленіе нашихъ офицеровъ возбуждало не рѣдко рукоплесканія въ театрахъ, которые, особенно въ первое время, оглашались восклицаніями: да здравствуютъ Русскіе! Тоже случалось и въ кофейныхъ домахъ, гдѣ сначала хозяева не хопѣли брать съ Русскихъ денегъ. Чшо признапельность къ намъ Французовъ была искренная, а непришворная, шому видны были ежедневно доказательшва; между прочимъ многія селенія просили изъ милоспи о перевезеніи къ нимъ нашихъ офицеровъ, дабы имѣшь возможность оказашь имъ всякое зависящее опъ нихъ вспомошествованіе. Русскіе вообще обязаны признапельнымъ воспоминаніемъ Парижанамъ, за то, чшо они болѣе прочихъ чужеспранныхъ народовъ цѣнили доблести Александра и подвиги нашихъ войскъ.

Можно удобнѣе вообразить, нежели описать стеченіе народа, когда Государь въ первый разъ посѣпилъ театръ. Назначено было представлять Траяново торжество; но передъ самымъ прибытіемъ Императора поднялся занавѣсъ и объявили, что Его Величеству не угодно принять на свой счетъ похвалъ, коими исполнена сія опера и, посредствомъ которыхъ Французы желали принести побѣднелю дань своей благодарности, почему представляли Веспалку. При появленіи Государя ликованія, которыхъ, казалось, потрясли огромное зданіе театра; продолжались болѣе четверти часа и были повторены во весь вечеръ. Во время междушнствій зрители, недовольствуясь, что музыканты играли народную пѣсню Гейнриха четвертаго, желали, чтобы извѣстный актеръ Лаисъ ее пропѣлъ. Онъ вышелъ съ бумагою въ рукахъ, и на сей голосъ раздалися въ честь Государя стихи, которые сдѣлалися въ скоромъ времени общенародными.

Такимъ образомъ прошекало время въ Парижѣ; Французы и Русскіе предавалися искренней радости; первые, потому, что избавились отъ ига, ихъ угнетавшаго, а вторые, что опмспили за опе-

чество и достигли окончанія войны самымъ блистательнымъ путемъ. Весеннее солнце не сходило съ небосклона, улицы и гулянья наполнены были съ утра до вечера множествомъ народа; смѣло можно сказать, не опасаясь упрёка въ лесть, что предметомъ общихъ разговоровъ было великодушiе Государя, прославляемое художниками и писателями. Не проходило дня, чтобы живописцы и ваятели не являлись съ Его изображенiемъ, а стихотворцы съ произведенiями пера своего въ честь Его Величества. Не было словъ въ Парижѣ и Францiи, которое бы не превозносило Государя при всякомъ случаѣ. Въ главномъ уголовномъ судѣ происходило въ то время первое публичное засѣданiе; извѣстный краснорѣчiемъ своимъ Белларъ, прежде нежели приступилъ къ изложенiю пикъбы, сказалъ: «Герой почти баснословный, отличный своимъ плѣнительнымъ обращенiемъ, столько же какъ и рыцарскими добродѣтелями; Онъ, коего имя, покрытое уже съ давнихъ вѣковъ другаго рода славою, украшается нынѣ единственною и новою славою въ Испанiи, научая Европу, что сила оружiя, которая покровительству-

»ещъ и мнлуешъ, можешъ исторгать
»слезы умиленія.«

Во Французскомъ Инспинупѣ профессоръ краснорѣчія Виллемень говорилъ:
»Александръ, по великодушію своему, яв-
»ляешъ взорамъ нашимъ одно изъ тѣхъ
»лицъ, каковыя находимъ въ древней Ис-
»торіи, исполненное спрасію къ славѣ.
»Могущество Его и льна ручающся за
»продолжисельный миръ въ Европѣ. Ге-
»ройскій характеръ Его, совокупся съ
»просвѣщеніемъ, свойственнѣмъ новѣй-
»шимъ народамъ, упрочитъ оный; Онъ
»воскреситъ въ большемъ блескѣ образъ
»Монарха-Философа, представленный Мар-
»комъ Авреліемъ, и мы наконецъ увидимъ
»на престолѣ мудрость, вооруженную
»властію, спольже обширною, какъ и же-
»ланія, дѣлаемыя ею для блага чловѣче-
»ства.« Когда Государь принималъ членовъ
сего ученаго сословія, по Предсѣдатель
оного сказалъ: »щастіе наше естъ плодъ
»Вашихъ благодѣлній и побѣдъ. Вы на-
»чили побѣдителей новому способу пор-
»жеспивовать. Бѣдствія вселенной дока-
»зываютъ, что до сихъ поръ не знали,
»въ чемъ соспоитъ настоящее величіе;
»опытнѣе не будущъ удивляться величію,
»сопущспвуемому ужасомъ; оно тогда

»только можетъ быть признано справед-
 »ливымъ, когда соединено съ любовью.
 »Удивленіе наше совершенно; мы не хва-
 »лимъ, Государь, но мы благословляемъ.»

Мнѣ случилось быть въ засѣданіи
 сего Института, происходившемъ въ
 присутствіи Государя и многочисленна-
 го, блестящаго собранія. Историкъ Ла-
 крепель привѣщивалъ Государя рѣчью,
 въ которой, упомянувъ о томъ славномъ
 времени для наукъ, когда Петръ Великій
 углублялся въ оныя во Франціи, сказалъ:
 »Съ какимъ успѣхомъ созрѣли плоды про-
 »свѣщенія, которое Петръ здѣсь почер-
 »палъ! съ какою мздою Александръ воз-
 »даешъ намъ то, что Предокъ Его, пре-
 »образовавшій свое Царство, заимство-
 »валъ у насъ.» Лакрепель заключилъ рѣчь
 сими словами: »Въ тотъ день, который
 »могъ быть для насъ столь ужасенъ, но
 »который не произвелъ никакого смяте-
 »нія, мы говорили какъ Филоклетъ Со-
 »фокловъ: Воины, не являющіе въ себѣ
 »враговъ нашихъ! сколь намъ сладостно
 »слышать изъ вашихъ успѣ звуки на-
 »шего природнаго языка.»

Слѣдующая статья, помѣщенная въ
 тоже время въ одномъ журналѣ, предла-
 гается здѣсь въ переводѣ. Чипапсли

усмопрятъ изъ оной лучше всякихъ похвалъ, копорыя подъ перомъ Русскаго могоупъ показались пристрасными, чувства, одушевлявшія къ Александру народъ, Имъ покоренный: »какое величественное зрѣлище являюпъ нынѣ сіи Монархи, »копорыя пришли сюда съ оружіемъ въ »рукахъ, чтобы обезпечить спокойствіе »наше и благополучіе! И такъ Франція, »изнемогающая подъ тяжкими ранами, »копорыя не могли сокрыться въ блескѣ »побѣдъ, и удрученная своими завоеваніями, должна была найсти въ бѣдствіяхъ »своихъ конецъ злополучіямъ. Кто бы »подумалъ, и могла ли она надѣяться, »что ея спасеніе изойдетъ изъ странъ, »копорыя она разоряла? Могла ли она »ожидать, что вмѣсто мщенія увидитъ »въ ожесточенныхъ ею и поржествующихъ врагахъ своихъ, кротость и »милосердіе, соединенныя съ привѣтливостію, копорая украшаетъ чловѣчество и удваиваетъ цѣну благодарній?»

»Съ давнихъ лѣтъ мы оывыкли видѣть верховную власнь, окруженную предѣлами добродѣтели; давно уже мы не слышали сихъ упѣшительныхъ рѣчей, »копорыя, будучи произнесены на престолахъ, проливаютъ въ сердца радость, сихъ

«словъ кропоспи и любви, соспавляю-
щихъ настольще краснорѣчіе Монарховъ,
»попому чпо они суть самое убѣдитель-
ное выраженіе могущества ихъ. О Титъ!
»упѣха рода человѣческаго! о добрый
»Гейнрихъ, великій Людовикъ XIV, и пы,
»нещасный Монархъ, копорый на лоб-
номъ мѣспѣ говорилъ о прощеніи! Нѣ-
»сколько словъ, сказанныхъ вами, повпо-
»ряются по нынѣ въ попоспвѣ и, слы-
»ша ихъ, мы проливаемъ сладкія слезы въ
»сіи времена, когда привыкли шолько
»плакать ошъ горести.»

»Нѣкогда Исторія напишетъ имя Твое
»подлѣ сихъ славныхъ именъ, о велико-
»душный Александръ, соединившій съ
»изящностію великаго подвига, плѣни-
»пельность выраженія и, копорый дока-
»залъ, чпо Ты не шокмо умѣешь дѣлать
»добро, но чпо Ты прекрасно оное шво-
»ришь. Ты насъ мгновено переселилъ, пакъ
»сказать, въ другія времена, Ты намъ
»далъ дышать новымъ воздухомъ, воз-
»вращилъ пѣ ощущенія, копорыхъ не-
»щастія, продолжавшіяся слишкомъ дол-
»го, по видимому уже насъ навсегда ли-
»шали. Пріими награду за сіи щедроты;
»мы Тебя поили; Ты говорилъ съ наро-
»домъ, Тебя поспигающимъ. Завоеватель,

»носившій въ древности Твое имя, окро-
 »вавилъ вселенную, чптобы его похвалили
 »въ Афинахъ; одно движеніе Твоего серд-
 »ца было доспапочно, чптобы возбудить
 »воспоргъ въ Парижъ и Франціи. На-
 »слаждайся здѣсь, въ сихъ новыхъ Афи-
 »нахъ, славнѣйшихъ нежели древнія, ща-
 »спливыми дарами, коими природа Тебя
 »наградила, наслаждайся любовью къ ис-
 »кусствамъ, копорыя будутъ соревновать
 »къ прославленію Твоему, уваженіемъ Тво-
 »нимъ къ памяникамъ генія, копорымъ
 »побѣдоносная рука Твоя покровитель-
 »ствовала, симъ удивительнымъ примѣ-
 »ромъ просвѣщенія, подаваемымъ Тобою
 »воинственному юношесству, слѣдующе-
 »му за Твоими знаменами и, копорое
 »благородными поступками въ сѣнахъ
 »нашихъ явило себя достойнымъ имѣть
 »Тебя своимъ Царемъ, наслаждайся со-
 »вершенною нашею признательностію.
 »Изгладящая слѣды бѣдствій, копорыя,
 »можетъ быть, причинило Твое оружіе
 »въ нашемъ опечесивѣ по жестокой
 »необходимости войны; но память Тво-
 »ихъ благодѣяній навсегда запечатлѣ-
 »лась въ сердцахъ нашихъ. Сила, какъ
 »варваръ, сжегъ столицу Ашшики и Ге-

»ніа, не внималъ взываемой памяти вели-
 »кихъ мужей, которые ее увѣковѣчили; но
 »Тебѣ не нужно было указывать на зна-
 »мениыя пѣни, коимъ мы обязаны
 »нашею славою: краснорѣчивый и шайный
 »голосъ говорилъ Тебѣ въ глубинѣ души:
 »вопъ опечесиво Корнеля и Расина, Бос-
 »сюета и Бюффона.»

Въ исходѣ Апрѣля мѣсяца прибылъ въ Парижъ Лудовикъ XVIII, и былъ въспрѣченъ за нѣсколько спанцій Государемъ, копорый возврапилъ ему неприкосновеннымъ досполяніе предковъ его, избавивъ Францію опъ раздѣла. Примѣчательно, что ни одинъ Французскій писатель не упоминаетъ о семъ благодѣяніи, оказанномъ Александромъ опечесиву ихъ; полагаю должно, что они дѣлаютъ это по невѣденію, потому что нѣтъ другой причины умалчивать о поступкѣ, копорому они обязаны величайшимъ счастіемъ, по есть, бытъ народомъ независимымъ, и самоспопшельнымъ. 18 Мая подписали миръ и пушечные выстрѣлы возвѣспили, что для Европы наспала новая эпоха. Доведа войну до желаннаго конца, Государъ осмотрѣлъ въ послѣдній разъ войска свои и опправился въ Лондонъ,

черезъ чепыре дня послѣ заключенія мира, объщавъ союзникамъ прїѣхать осенью въ Вѣну для совѣщанія о дѣлахъ всѣхъ державъ, ибо всѣ, болѣе или менѣе, пострадали опть перевороповъ и продолжительныхъ войнъ. Тогда же караулы сданы были національной гвардіи, и наша армія предприняла обратный походъ изъ Франціи; Сакенъ сложилъ съ себя званіе Генераль-Губернатора и городовое правленіе поднесло ему въ знакъ признашельности шагу.

Такимъ образомъ совершилось пребываніе Русскихъ въ Парижѣ, которое исполнилъ позднихъ попомковъ благоговїемъ къ имени Александра. Онъ забылъ грабсжи и пожары въ своемъ Царствѣ, уважилъ памятники враговъ своихъ, избавилъ ихъ опть порабощавшаго ига, пригласилъ на престолю древній родъ Королей, возвратилъ двѣсти тысячъ плѣнныхъ, почтилъ воиновъ, сражавшихся въ непріятельскихъ рядахъ, обезпечилъ бытіе и соспояніе надшаго своего соперника и вознесъ Россію на такую спепень славы, на которой она прежде никогда не бывала. А вы, поржествовавшіе въ по время подъ знаменами Александра и, ко-

порыхъ уже такъ не много остается
въ рядахъ нашихъ, сколь утѣшительно
для васъ помышлять, что время сіе бу-
детъ навсегда украшеніемъ Испоріи
Россіи!

Г Л А В А VII.

Дюсисъ.— Лафаетъ.— Рамель.— Планъ
возвращенія въ Петербургъ.— Мнѣнія
во Франціи и Германіи.— Геттингенъ.—
Морское путешествіе.— Возвращеніе
Государя въ Петербургъ.— Праздникъ
въ Павловскѣ.— Ошъвздъ въ Вѣну.— Вар-
шавское герцогство.— Вѣна.

Изъ числа многихъ извѣстныхъ лю-
дей, находившихся тогда въ Парижѣ,
упомяну здѣсь о прехъ, съ коими я имѣлъ
случай познакомиться, а именно: о Дю-
сисъ, Лафаетъ и Рамель.

Я нашелъ въ Дюсисъ одного изъ тѣхъ
щасливцевъ, которые въ маслиной
спрости сохраняютъ душевныя способ-
ности зрѣлаго возраста; спрашнаго лю-
бителя природы, нѣжнаго опца семей-
ства и равнодушнаго къ почестямъ и
богачествамъ. Нельзя было слушать безъ
восхищенія сего Пестора словесности,

когда онъ читалъ наизусть вдохновенное посланіе, сочиненное имъ на восемьдесятъ первый годъ своего рожденія, и когда рассказывалъ о своей жизни, исключитель-но посвященной служенію Музъ, коихъ онъ почитался тогда во Франціи перво-священникомъ. Беседа его украшалась множествомъ любопытныхъ анекдотовъ объ ученыхъ, съ коими онъ находился въ дружескихъ связяхъ, и опличнѣй-шихъ путешественникахъ, которые въ печеніи полувѣка прѣзжали въ Парижъ и искали его знакомства. Онъ жилъ при дворѣ Бурбоновъ, видѣлъ ужасы револю-ціи и владычество Наполеона, неодно-кратно спаравшагося склоняшь его на принятіе Сенаторскаго званія; но Дю-сисъ не рѣшался протѣнать на оное у-единенныхъ своихъ прогулокъ въ окрес-ностяхъ Версаля и независимости, чини-мой имъ выше всего на свѣтѣ. — «Какія
» были самыя щасливывя минуны вашей
» жизни, « спросилъ я его? — « Я починаю,
» отвѣчалъ онъ, высшею наградою моего
» поэтическаго поприща, когда я увидѣлъ
» мою мать въ слезахъ при предзнавленіи
» одной изъ моихъ трагедій « — « Другое
» происшествіе, случившееся недавно,
» продолжалъ онъ, пронуло меня до глу-

»бивы души. Лудовикъ XVIII, по возвращеніи въ Парижъ, послалъ за мною; «когда я вошелъ въ его кабинетъ, онъ »встрѣпилъ меня, произнесъ четыре стиха изъ моего Эдипа. Государь, сказалъ я »ему, Буало и Расинъ имѣли честь читать произведенія свои вашему дѣду, »а миѣ суждено безпримѣрное щастіе слы- »шать стихи мои изъ устъ моего Короля.»

Лафаетъ, по ловкости своей, самый любезный человекъ въ обществѣ, за обѣдомъ онъ говорливъ какъ Французъ; но разсмапривая внимательно рѣчи его и поступки, я нашелъ въ немъ разительное сходство съ фанатиками средних вѣковъ, съ пою разницею, что сіи, проповѣдуя кротость и милосердіе, сожигали противниковъ своихъ на кострахъ, а онъ, ополчался замнимую независимость народовъ въ обоихъ полушаріяхъ, ниспровергаетъ существующій порядокъ вещей и, подъ личиною любви къ человечеству, вовлекаетъ въ гибель несчетное множество семействъ. Не взирая на преклонныя свои лѣта и многотрудныя приключенія, случавшіяся въ его жизни, онъ защищаетъ свои правила съ жаромъ юности, котораго не ослабили старость и несчастія его опечесива. Однажды мы

ѣхали съ нимъ въ каретѣ; дорогою онѣ завелъ рѣчь о свободѣ писненія и на опроверженія мои о пагубныхъ послѣдствіяхъ, опъ оной происходящихъ, сослался на сѣверную Америку. »Не ближели, сказалъ я, опуская спекло кареты, »взглянуть на улицы эшаго города, въ »которомъ сотни тысячъ людей запла»пили жизнию за невозможность приве»сти теоріи ваши въ исполненіе?«

Рамель управлялъ три года финансами при народномъ конвенстѣ и директоріи; когда ассигнаціи потеряли совершенно свое достоинство и наличныя деньги только что начали показываться въ обращеніи. Онѣ оживилъ Государственный кредитъ, потрясенный насильственными мѣрами Якобинцевъ, а что не менѣе важно, оставилъ память своихъ дѣйствій въ сочиненіи своемъ о финансахъ Французской республики, заслуживающемъ тѣмъ большее вниманіе, что въ новѣйшія времена рѣдко Государственные люди передаютъ грядущимъ поколѣніямъ наблюденія, сдѣланныя ими въ опправленіи своихъ должностей: крайней мѣрѣ они не могутъ опозваться не достаткомъ времени, послѣтвореній Сюлли, Неккера и Гарденберга. Будучи въ ду-

нѣ республиканцемъ, Рамель проситъ и скромнѣ въ обращеніи. Онѣ принадлежишь къ немногому числу Министровъ Финансовъ, копорые отдають полную справедливость Адаму Смишу и Физіократамъ, за исключеніемъ однакоже такъ называсмага сими послѣдними, единственнаго налога. »Свобода промысловъ, « сказалъ онѣ мнѣ, »естъ лучшее ободреніе для оныхъ и уничтоженіе таможенъ нужно для благосостояніа Франціи. Если бы Наполеонъ, « продолжалъ онѣ, »вмѣсто континентальной системы, « допустилъ совершенную свободу торговли въ подвластныхъ ему земляхъ, то »довелъ бы Англію до крайности.«

По высупленіи войскъ нашихъ изъ Парижа я былъ въ нерѣшимости, какимъ образомъ устройшь обратное мое путешествіе въ Петербургъ. Сперва я располагалъ ѣхать въ Англію, но помышляя, что тамъ надобно бытъ въ непрерывной дѣятельности для обозрѣніа множества любопытныхъ предметовъ, копорые находящя въ семъ Государствѣ, ошложилъ сіе намѣреніе, ибо послѣ прехъ походовъ чувствовалъ необходимость отдыха. Я какъ теперь помню радость мою, когда оставшись въ Парижѣ одинъ и безъ

занятій по службѣ, я сѣлъ въ Тюльерійскомъ саду подъ тѣнь вѣлвисаго дерева, въ увѣреніи, что меня никто не попревожншь. Попомъ я думалъ плышь изъ полуденной Франціи въ Испалію, посѣпшншь грознаго узника на оспровѣ Эльбѣ и поклоннться гробу Внргнлія. Изъ Испаліи я хотѣлъ направнться къ оспровамъ Архнпелага, взглянуть на Афіны, Спарту и Констанпннополь и возвращнться въ Россію чрезъ Балканы, не предполагая, что въ послѣдствіи судьба приведетъ меня по сей дорогѣ съ Россійскими орлами къ врапамъ Внзантіи. Сіе прекрасное предначертаніе нѣсколько дней меня занимало, но опасаясь пропнвныхъ вѣспровъ и остановкн въ каранпннахъ, я избралъ другой планъ, который хотя менѣе пѣшилъ мое воображеніе, но болѣе удовольстворялъ потребностямъ сердца. Я вознамѣрнлся ѣхашъ въ незабвенный для меня Гепшпнгень, а попомъ моремъ изъ Любека въ Кроншпашъ.

Въ исходѣ Маія я проспнлся съ Парнжемъ: пущъ сокращали разговоры съ двумя товарищами о необыкновенныхъ событіяхъ, кон совершнлись въ нашихъ глазахъ, о разныхъ приключеніяхъ въ по-

ходахъ, роскошномъ Парижѣ и торжествѣ Россіи. Дорогою Французы сморщили на насъ ненавистнымъ окомъ, а особенно военные, ибо съ возстановленіемъ Бурбоновъ исчезли мечты ихъ о пріобрѣтеніи почестей, богатствъ и славы, которыми прежній обладатель льстивилъ ихъ легкомыслию. Сіи люди, порожденіе многолѣпныхъ войнъ, возросшіе въ праздности биваковъ, не знавшіе другаго опечества, кромѣ своего полковаго штаба, другихъ ушѣхъ, кромѣ злоупотребленія права сильнаго, гоповы были, для наполненія пустошы своего существованія, возжечь снова пламень всемірной войны. Но едва мы перѣехали Рейнъ, какъ были свидѣтелями совсѣмъ иныхъ явленій: Нѣмцы поспигали благодарія, долженствовавшія послѣдовать опъ заключенія мира. Блескъ, копорымъ покрылося Россійское оружіе, и подвиги Александра, избавившаго Германію опъ ига, были ими въ полной мѣрѣ признаваемы; они повсюду насъ принимали самымъ радушнымъ образомъ; названіе Русскаго офицера было тогда лестнѣе всякаго громкаго титула.

Да позволено мнѣ будетъ посвяпипть нѣсколько строкъ признапельности мѣс-

шу, въ копоромъ я получилъ образованіе. Я пріѣхаль въ Гепшингенъ уже поздно вечеромъ и почти побѣжалъ по городу, гдѣ провелъ при щасливѣйшихъ года въ такомъ возрастѣ, копорый можно названъ цвѣтомъ нашего бытія. Каждый домъ, каждое дерево, все говорило мнѣ знакомымъ, привѣпнымъ языкомъ. Случалось мнѣ въспрѣчашъ ночную звѣзду на берсгахъ Лсмана, въ развалинахъ Помпей и на Капполійскомъ холмѣ, но сколь ни велико было наслажденіе посреди сихъ классическихъ мѣспъ, однако же оно уступало удовольствію, копорое я ощущалъ ночью, увидя себя вновь посреди усдиненнаго Гепшингена. Въ слѣдующіе дни я посѣпилъ Венде, Плессу, Маріеншпрингъ; все въ нихъ сохранило прежній цвѣтущій видъ свой, но я груспилъ, ибо видѣлъ, что измѣнился полько одинъ я, что прошло уже время независимости, посвященной исключительно наукамъ и природѣ, и что не было уже болѣе вокругъ меня друзей юности, съ коими здѣсь мы пивали чашу невинныхъ радостей, не вѣдая, что каждый изъ насъ будетъ, болѣе или менѣе, увлеченъ вихремъ политическихъ происшествій, копорыи были для насъ тогда покрыты вепро-

*

ничаемою завѣсою. Какъ сильно заблуждаются порицатели Германскихъ Университетовъ, представляющіе сіи свѣтилица музъ вершениами разврата! Они основываютъ сужденія свои на словахъ путешественниковъ, выдающихъ мимоѣздомъ студентовъ, которые въ спранныхъ одеждахъ, съ усами и звонкими шпорами ходятъ по улицамъ; но сіи путешественники, встрѣчая повѣсь, не могутъ видѣть несравненно большее число тѣхъ молодыхъ людей, которые съ ранняго утра до поздней ночи трудятся въ своихъ скромныхъ кабинетахъ. Ежели и выходятъ изъ Университетовъ юноши безирасвенные, какъ и изъ другихъ учебныхъ заведеній, то число ихъ ничтожно въ соразмѣрности къ тѣмъ, которые съ непоколебимою вѣрностію служатъ своимъ Государямъ и дѣйствуютъ съ просвѣщеннымъ умомъ къ пользѣ общей, въ кругу, для нихъ судьбою назначеномъ.

Неблагопріятный вѣперъ задержалъ насъ нѣсколько времени въ Травеминдѣ, гдѣ единственная отрада моя состояла въ прогулкахъ вдоль песчанаго берега моря. Неизмѣримое пространство онаго, глухій ревъ раздроблявшихся валовъ и со-

вершенное безмолвіе, царствовавшее повсюду, располагали меня еще болѣе къ помышленію о шумномъ Парижѣ, копорый я такъ недавно оставилъ, о золотыхъ дняхъ, проведенныхъ въ Геттингенѣ и свѣдѣхъ надеждахъ, представлвшихся тогда для будущности Россіи. Наконецъ распустили паруса и днѣ черезъ два мы увидѣли Борнгольдъ, копорого имя, со времени Карамзина, сдѣлалось принадлежностію Русской словесности; Финской заливъ устьянъ былъ кораблями; великое число ихъ свидѣльствовало объ оживленіи торговли.

Государь возвратился въ Іюль мѣсяцѣ въ Петербургъ, послѣ полупорогодичнаго отсутствія, и черезъ нѣсколько дней, окруженный Генералами, вмѣстѣ съ Имъ подвизавшимися, ѣхалъ верхомъ, въ Казанскій соборъ, служить благодарственнй молебецъ. Безчисленное множество подданныхъ подцились вокругъ обожаемаго Монарха, Копорый первый, послѣ Петра Великаго, лично предводительствовалъ своими войсками, а когда Онъ преклонилъ колѣна, то казалось, что добрая, Ангельская душа Его парила къ небесамъ. Вскорѣ прибыла гвардія и начался праздникъ, изъ коихъ примѣчатель-

нѣйшій былъ въ Павловскѣ, гдѣ на открытомъ воздухѣ актеры представляли различныя дѣйствія, относящіяся до минувшей войны. Послѣ театра данъ балъ, а потомъ ужинъ, приготовленный въ палаткѣ, на которой большими, ярко освѣщенными буквами, было написано: «побѣдимъ!» Во время стола пѣли Лабанова пѣсню:

Вздилъ Русской Бѣлой Царь

Изъ своей земли далеко,

которая была принята военными съ восторгомъ, изъясненнымъ рукоплесканіями, и требованіемъ, чтобы ее повсюду пѣли.

31-го Августа я получилъ приказаніе отправиться въ Вѣну, гдѣ назначался конгрессъ для общаго примиренія Европы. Въ Пешербургской и Псковской губерніяхъ, чрезъ которыхъ я ѣхалъ, не было ни какихъ приготовленій для пріема Государя, но далѣе я встрѣчалъ на каждой почтѣ дворянскихъ предводителей и гражданскихъ чиновниковъ и находилъ обѣды и завтраки, на которые временные хозяева приглашали меня самымъ уч-

пивымъ образомъ. Казалось, будто въ привѣтствіяхъ ихъ слышны были слова: »забудьте прошедшее.« Въ Вишебскѣ собрались вокругъ меня люди разнаго званія; на вопросъ мой: много ли жипелей вышло изъ города при приближеніи непріятеля? одинъ молодой купецъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на споявшихъ вблизи Евреевъ и другихъ, отвѣчалъ съ жаромъ: »ни одинъ Русской въ то время въ городѣ не оспался.« Вскорѣ я переезжалъ черезъ Березину, которую мы такъ часно разсмапривали на каршѣ въ Тарупинскомъ лагерѣ, полагая, что на оной должны кончиться бѣдствія Россіи. Вообще отъ Двины до Нѣмана рѣдкой городъ не ознаменованъ какимъ либо происшествіемъ опечеспвленной войны. Если Лаціумъ и Пелопонисъ причисляють къ классическимъ странамъ, то почему не именовать таковымъ край, гдѣ Россія боролася съ Европою? Преданіе о сей брани должно переходить, какъ драгоцѣнное наслѣдство, изъ рода въ родъ, и если бы когда нибудь облака помрачили горизонтъ Россіи, то пусть попомки, освѣжа въ памяти своей событія роковаго года, воскресяють славу нашего опечеспва!

Н*** ожидалъ прибытія Государя въ Бреснѣ Липовскомъ, чѣобы предварить Его Величество о посланныхъ Варшавскаго Герцогства, оспановившихся въ мѣстечкѣ Бѣломъ, гдѣ они между собою поссорилися за то, что не соглашались, кому изъ нихъ привѣтствовать Императора. Жители Герцогства, съ которыми я имѣлъ случай дорогою разговаривать, ожидали съ неперпѣніемъ опредѣленій Конгреса, полагая на вѣрное, что опечество ихъ будетъ возстановлено. Какъ побѣжденные, они не имѣли на то ни какихъ правъ; даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы Конгресъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность возобновить политическое бытіе разныхъ народовъ, упрасившихъ оное со времени Французской революціи, то ему слѣдовало бы предпочтительнѣе заняться участію Венеціанской и Генуэзской республикъ, издревле славныхъ науками, художествами и торговлей. Что касается до того обстоятельства, будно бы раздѣлъ Польши нарушилъ политическое равновѣсіе Европы, то и сіе несправедливо, ибо съ послѣдняго десятилѣтія прошедшаго вѣка, подожсіе всѣхъ державъ измѣнилось; однѣ

лишились своей независимости, другія ослабѣли, иныя распроспиранили предѣлы свои, и возстановленіе равновѣсія въ пакомъ видѣ, какъ оно существовало до революціи, сдѣлалось нынѣ одною мечпою, а раздѣлъ Польши, политическою древностію, неимѣющею болѣе ни малѣйшей практической важности.

Дорогу мою по Галлиціи и Моравіи я уподоблю прогулкѣ; красивыя мѣстоположенія начинающіяся отъ Біерска и продолжающіяся до самой Вѣны; мудрое Австрійское правительствво благодѣтельствуетъ спранамъ, оному подвласнымъ, и вездѣ видны слѣды благоразумныхъ законовъ, которыхъ неприкосновенность ограждается коллегіальными обрядами. 12-го Сентября я пріѣхалъ въ Вѣну и поселился въ Императорскомъ дворцѣ, гдѣ заспалъ все въ большой суматохѣ, подобно тому какъ въ частномъ домѣ наканунѣ какого нибудь пиршества. Въ это время уже находилось въ Вѣнѣ болѣе семидесяти особъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ домамъ, многія изъ нихъ жили во дворцѣ; въ длинныхъ корридорахъ и огромныхъ залахъ онаго, встрѣчались лица всѣхъ Европейскихъ спранъ,

слѣдовательно говорящія на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ возможныхъ мундирахъ, такъ что въ первые дни эшо казалось наспоющимъ маскарадомъ: не доставало только Папы и Султана.

ГЛАВА VIII.

Прїездъ Государя въ Вѣну. — Австрійское дворянство. — Великія Княгини. — Принцъ де Линь. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Прибытіе на Конгрессъ разныхъ лицъ. — Талейранъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Представленіе Принцовъ. — Александръ въ дѣлахъ Конгресса. —

13 Септября громъ пушекъ возвѣстивъ прибытіе Государя; я поспѣшилъ въ назначенныя для Его Величества комнаты, которыя наполнены были вельможами Австрійскаго двора и иностранцами, желавшими увидѣть Миротворца Европы. По знаменитости фамилій сихъ вельможъ и прїемамъ ихъ, легко можно было заключить, что они принадлежатъ къ древнѣйшему двору Европы. Австрія такое Государство, въ которомъ менѣе нежели въ какомъ либо другомъ, поселился духъ нововведеній;

памъ спаринные дворянскіе роды пользуются особеннымъ уваженіемъ, справедливо спяжаемымъ на поприщѣ военномъ и гражданскомъ, и испинно барскимъ образомъ жизни въ своихъ-помѣстьяхъ, въ коихъ они проводятъ большую часть года.

Присупспвовавшія шупъ же великія Княгини Марія Павловна и Екашерина Павловна, какъ бы посреди собспвенныхъ дворцовъ своихъ, угощали Эрцгерцоговъ и дамъ. Принцъ де Линь сказалъ: »Великая Княгиня Марія привязываетъ къ себѣ сердца, а Екашерина беретъ ихъ при спупомъ.« При Ихъ Высочеспвахъ находились посланники наши Графъ Головкинъ и Ханыковъ. Первый извѣспенъ болѣе умомъ своимъ, нежели посольствомъ въ Кишай, а второй сочинялъ прекрасные спихи на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Такъ въ Римѣ, въ царспвованіе Авгуспа, вельможи писали съ одинаковою легкостію спихи Греческіе и Латинскіе.

Генераль Жомини предспавилъ меня Принцу де Линь, вкусу и дарованіямъ котораго Европа отдавала справедливоспъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Но я видѣлъ въ немъ, такъ сказапъ, осташки шого

исобыкновеннаго человека, которъй былъ душею общества Екатерины и Фридриха, Маріи-Аншпанетсы и Юсифа, и, которъй для Русскихъ оспанелся незабвеннымъ, попому что, постигнувъ геній великой законодательницы Россіи, онъ изобразилъ его съ благоговѣніемъ подданнаго и безпристрастіемъ иностранца. Видъ его споль важенъ, что я, незная его, спросилъ: Кто эспетъ почтенный спарець? — Ему погда было около восьмидесяти лѣтъ, онъ былъ роспу високаго, имѣлъ уста краснорѣчивыя, глаза быстрые. Говоря съ нимъ о пребываніи его въ Россіи, я мысленно переносилъ во дни плаванія Екатерины по Днѣпру и воображалъ, какъ Она, съ высокихъ горъ Тавриды, показывая на страны, вослѣдствія Овидіемъ и увѣковѣченныя именемъ Ифигеніи, говорила Принцу де Линь: »э-э» тотъ берегъ Чернаго моря я жалую вамъ.« Я сдѣлалъ ему нескладное привѣтствіе, ибо мнѣ спрашно было объясняться съ нимъ на томъ языкѣ, на которомъ онъ бесѣдовалъ съ Жанъ Жакомъ и Вольтеромъ. Примѣтя мое замѣшательство, онъ началъ говорить о нашей словесности. »Россія непоспижима!« сказалъ онъ, »Ломоносовъ и Державинъ соединяють

» съ Европейскимъ образованіемъ поня-
 » шія воспючныхъ народовъ, а сочине-
 » нія Шувалова, Головкина и Уварова спо-
 » ятъ на ряду съ произведеніями лучшихъ
 » Французскихъ писателей.« Оцъ спихо-
 пворцевъ рѣчь перешла къ прозаикамъ,
 и Принцъ де Линь, узнавъ отъ Генерала
 Жомини, что я писалъ исторію прошед-
 шей войны, просилъ, съ свойственною
 ему въжливостію, позволенія перевести
 ее на Французской языкъ. »Эпо лучшее
 » средство прославить мое сочиненіе,«
 отвѣчалъ я.

Вскорѣ объявили о прибытіи Госу-
 дари во дворець и, какъ Принцъ де Линь
 былъ Капипаномъ гвардіи, то нашъ раз-
 говоръ прервался, и онъ занялъ мѣсто
 свое во фронтѣ. Сперва шли Императоры
 Александръ и Францъ, потомъ Король
 Прусскій вель обѣихъ Великихъ Княгинь,
 а позади ихъ слѣдовали прочіе Короли и
 Принцы, между коими находился и Эрц-
 герцогъ Карлъ, бывшій нѣкогда защи-
 никомъ Германіи и посвятившій потомъ
 свои досуги описанію походовъ, поста-
 вившихъ его, въ самыхъ молодыхъ лѣ-
 тахъ, на ряду съ опличнѣйшими пол-
 ководцами. Онъ худощавъ и невысокъ
 ростомъ, какая-то задумчивость видна

въ глазахъ его. Когда Монархи вошли во внутреннія комнапы, по насъ пригласили къ роскошному столу Гофмаршала.

Въ печеніи всего Септября мѣсяца прїѣзжали безпрестанно на Конгресъ владѣпельныя особы, Послы и Министры державъ, депуапы вольныхъ городовъ и республикъ, и лица съ полномочіями разнаго рода; явилоса большее число банкировъ, художниковъ, литераторовъ и путешественниковъ, привлеченныхъ любопытствомъ въ средоточіе погдашняго политическаго міра. Всѣ между собою знакомилися, дѣлали другъ другу взаимныя посѣщенія, заводили связи и слабѣйшіе старались частнымъ образомъ и побочными путями склонять заблаговременно голоса въ свою пользу; между тѣмъ какъ державы, имѣвшія спопысячныя арміи въ подкрѣпленіе своихъ пребываній, спокойно ожидали опкрытія засѣданій. Желанія и виды были ешоль же различны, какъ и самыя выгоды каждаго Государства: однимъ было нужно расширеніе границъ, другіе просили полько о возвращеніи прежнихъ владѣній, а земли, которыя въ послѣдніе годы упратали свое самостоятельное существованіе, и монар-

хи, лишившієся пресполовъ, присылали, судя по возможности, явныхъ или тайныхъ своихъ представителей. «Какія суть требованія Ганзеатическаго союза?» спросилъ я у Сенатора Шмидта, уполномоченнаго отъ трехъ вольныхъ торговыхъ городовъ. Онъ отвѣчалъ: «Кольбертъ, предлагая Французскимъ купцамъ покровительство, желалъ знать, чѣмъ онъ можетъ быть имъ полезенъ? они сказали ему: не мѣшайтесь въ наши дѣла.»

Талейранъ, который здѣсь за нѣсколько лѣтъ предписывалъ законы, явился одинъ изъ послѣднихъ, съ лицомъ, на которомъ начертано было, что онъ соспарился въ чрезвычайныхъ переворотахъ, научившихъ его ничему не удивляться. Въ это время прибыла также Императрица Елисавета Алексѣевна, украшавшая престоль-совершеннѣйшомъ женскихъ добродѣтелей. День пріѣзда ея былъ праздникомъ для Вѣнскихъ жипелей, но мы, Русскіе, выдавшіе Ее вблизи, врядъ ли будемъ въ соспоянніи выразить пѣ чувства, которыя мы къ Ней питали. Коронованнымъ Главамъ и полномочнымъ Посламъ Государь давалъ каждому порознь пріемныя аудіенціи, а для прочихъ Принцевъ крови назначенъ былъ день, въ ко-

порой ихъ пригласили всѣхъ вмѣстѣ. Число ихъ было такъ значительное, что они едва помѣстились въ довольно просторной залѣ. Смотря на нихъ въ этотъ день, я подумалъ, что почти всѣ они за нѣсколько лѣтъ полпились такимъ же образомъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, во время правленія Наполеона, и, что они сожигали потѣшныя огни и праздновали, когда получали извѣстія о взятіи Смоленска и Москвы. Мысль сія такъ сильно мною овладѣла, что я дѣлалъ довольно лаконическіе опвѣты, когда нѣкопорые изъ Принцевъ обращались ко мнѣ съ привѣтствіями. Видѣ подобострастія, съ какимъ они вперли взоръ на дверь, изъ которой надобно было выйти Государю, служилъ доказательствомъ благоговѣнія, исполнявшаго ихъ къ Его особѣ.

Въ скоромъ времени открылися за-сѣданія конгреса; описывать дѣйствія онаго военному, значило бы все равно, какъ дипломатическому чиновнику, пребывающему въ главной квартирѣ арміи говорить объ осадахъ и сраженіяхъ. Можно легко вообразить, что предспавителями различныхъ Государствъ избраны были люди съ отличными способностями, или по крайней мѣрѣ такіе, кото-

рые почитались за умнѣйшихъ. Русскіе полномочные были ничто иное, какъ исполнители предначертаній Александра, копорый вообще славою своею обязанъ только одному себѣ, ибо по природнымъ дарованіямъ, образованію и проницапельности, Онъ споялъ на несравненно высшей степени, нежели всѣ Его окружавшіе; нравственнее Его превосходство было признано ими безусловно. Перемена, происшедшая въ характерѣ Его со времени опечеспвленной войны, была очевидна; отбросивъ прежнюю къ себѣ недоувѣрчивость, Онъ сдѣлался твердъ и предприимчивъ. Въ опношеніи къ чужеспраннымъ державамъ положеніе Его было безпримѣрно; восторжеспвовавъ надъ ними силою, Онъ потомъ явился примирителемъ ихъ; враги Его, увѣренные въ Его правосудіи, избирали Его посредникомъ; а за безкорыстіе Его ручались самыя выгоды безпредѣльной Имперіи Его, для которой всякое излишнее распространеніе было вредно. »Симъ счастливымъ положеніемъ границъ нашихъ,« сказалъ мнѣ однажды Государь, »обязаны мы промыслу Божию, копорый поспавилъ Россію въ такое соспояніе, что ей не нужно новыхъ приобрѣспеній. По-

»сему она имѣетъ безпристрастный го-
 »лость въ политическихъ дѣлахъ Европы,
 »подобно какъ въ частномъ быту чело-
 »вѣкъ, которому не оспается ничего
 »желать, всегда бываетъ опкровеннѣе и
 »призывается другими въ посредники.
 »Это дало намъ большой перевѣсъ на Вѣн-
 »скомъ Конгрессѣ и въ Парижѣ, какъ во
 »время перваго, такъ и втораго нашего
 »пamъ пребыванія.» Въ затруднитель-
 ныхъ случаяхъ, гдѣ полномочные Его
 встрѣчали прошивурѣчїя, Онъ лично
 велъ переговоры не токмо съ Монархами,
 но и съ Министрами, которые проводили
 съ Нимъ наединѣ въ кабинетѣ по нѣс-
 кольку часовъ въ жаркихъ спорахъ. Миѣ
 случалось не однократно приглашать къ
 Его Величеству Герцога Веллингтона,
 Лорда Кастельре и Князей Талейрана,
 Гарденберга, Мешперниха и другихъ зна-
 менитыхъ дипломатиковъ, и слышать изъ
 ближней комнаты продолжительныя и
 громкія ихъ пренія, послѣ коихъ господа
 сїе выходили иногда съ пламенными лицами.
 Россія не забудетъ, что въ роковое для
 Европы время, она имѣла Царя, который
 на рашномъ полѣ являлъ доблести, а въ
 Европейскомъ Аренагѣ, гдѣ надлежало
 разсѣчь новый Гордіевъ узелъ, удержавъ

*

за собою первенствующее мѣсто, не спрашивая возраженій искуснѣйшихъ Государственныхъ мужей своего вѣка и торжесствовала надъ ними не силою, потому что она была здѣсь неуспѣшна, но убѣжденіемъ и превосходствомъ умственныхъ своихъ способностей.

ГЛАВА IX.

Праздникъ въ Аугартенъ. — Поля сраженій при Аспернъ и Ваграмъ. — Обѣдъ въ Энцерсдорфъ. — Шенбрунъ. — Римскій Король. — Праздникъ въ Пратеръ. — Обѣдъ въ домѣ Графа Разумовскаго.

23-го Сентября давали въ шакъ называемомъ Аугартенъ праздникъ въ честь инвалидовъ. Множество карсепъ и пѣшеходовъ покрывали улицы, ведущія къ сему саду, на воротахъ котораго помѣщена, по повелѣнію Императора Юсифа, слѣдующая надпись: »Мѣсто сіе посвящено народу почитателемъ его.« Монархи, Принцы и весь дворъ находились въ парочно пригоцовленной для нихъ бесѣдкѣ. Инвалиды, которые въ Австріи имѣютъ особенный мундиръ, открыли праздникъ; они проходили мимо сей бесѣдки по два въ рядъ и сѣли въ концѣ аллеи за длинные столы, помѣщенные около професевъ,

на верху коихъ играли музыканты. Пошомъ бѣгуны и вольпижеры показывали искусство свое въ печеніи часа, а когда смерклось, то дворъ ошправился смопрѣшь объѣдъ престарѣлыхъ воиновъ, которые привѣтствовали Монарховъ громкими восклицаніями. Послѣ фейерверка надлежало проходить намъ сквозь вороша, посшпросенный на подобіе Бранденбургскихъ въ Берлинѣ; мы едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли колонну, какую предполагали воздвигнуть въ Москвѣ изъ непріятельскихъ орудій; пушки посшавлены были одна на другую, а внизу находилоя грудное изображеніе Государя, вѣнчаемаго побѣдою. Я не понимаю какими глазами иностранцы смотрѣли на сей сполпъ, пошому что всѣ Европейскія державы способствовали къ доставленію маперіаловъ для онаго. Императрица и Великія Княгини, недалеко опъ которыхъ я споялъ, были пронупы: я жалѣлъ, что темнона вечера не позволяла мнѣ видѣшь въ эту минушу лица Александра.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ сего праздника, Эрцгерцогъ Карлъ предложилъ Государю обозрѣшь поля сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ. Намъ

сопутствовали двое Русскихъ Генераловъ, которые въ 1809-мъ году находились при Наполеонѣ; они рассказывали о дѣйствіяхъ Французской арміи, между тѣмъ какъ Эрцгерцогъ говорилъ о движеніяхъ своихъ войскъ: такимъ образомъ раскрылось предъ нами то, что происходило съ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Сперва мы поѣхали въ Аспернъ, гдѣ едва Французская армія не погибла, а какъ въ военной исторіи не была извѣстна причина, почему Эрцгерцогъ, послѣ уничтоженія мостовъ на Дунаѣ, не довершилъ пораженія своихъ непріятелей, то я чрезвычайно былъ любопытенъ знать, какимъ образомъ онъ объяснилъ сіе обстоятельство. Наконецъ я услышалъ, что Государь, какъ будто невзначай, предложилъ ему вопросъ о семъ, и Эрцгерцогъ отвѣчалъ: »что онъ имѣлъ недосынокъ въ снарядхъ.« Отвѣтъ сей не всѣмъ показался удовлетворительнымъ и многіе остались при томъ мнѣніи, что Австрійскій полководецъ не воспользовался побѣдою, потому что онъ не воображалъ до какой степени Французская армія была разспросна. Она обязана спасеніемъ своимъ какъ сему заблужденію его, такъ равно и опчаянной

храбрости Массены, который со шпагою въ рукахъ, по на лошади, по пѣшкомъ, ободрялъ солдатъ своихъ, браня непріятелей и, крича, что они не осмѣлятся преслѣдовать ихъ. На полѣ стоялъ еще дерево, близь котораго Наполеонъ, увидѣвъ раненаго Маршала Ланна, началъ упѣшивать сего стариннаго своего сподвижника, который опивчалъ ему, что бы онъ оставилъ его въ покоѣ и помышлялъ бы только о средствахъ извлечь армію изъ того ужаснаго положенія, въ какое онъ ее ввергнулъ. Когда мы подѣхали къ берегу Дуная, гдѣ Наполеонъ сѣлъ въ лодку, что бы переправиться на островъ Лобау, то произошло внезапно общее между нами молчаніе, точно какъ будто бы каждый предавался размышленію, что на семь мѣстѣ могла рѣшилась судьба великихъ происшествій. Государь прервалъ сіе молчаніе, сказавъ: »какой человекъ! онъ поручаетъ погибающую армію Массенъ, а самъ ѣдетъ опдыхать и проводитъ ночь въ крѣпкомъ снѣ.«

Осмотрѣвъ поле сраженія при Аспернѣ мы прибыли около полудня въ Энциердорфъ, гдѣ былъ приготовленъ прекрасный обѣдъ. Предъ сполотъ мы Русскіе раз-

говаривали между собою, а Государь, замѣпя, что мы сполли поодаль всѣхъ, подошелъ къ намъ и сказалъ: »обращай-» песь какъ можно вѣжливѣе съ иносп-» ранцами; надобно имъ показатъ, что» мы не медвѣди.« Выпивъ за здоровье Эрцгерцога Карла, мы поѣхали въ Ваграмъ, гдѣ Наполеонъ, невзирал на выгодное мѣсположеніе Авспрійцевъ, явилъ во всемъ блескѣ необыкновенныя свои способности. Эрцгерцогъ говорилъ объ оныхъ безъвсякаголицепріятій, какъ мужъ, цѣнящій высокое достоинство, и во весь эпопъ день плѣнялъ скромностію, приносящую ему шѣмъ болѣе чести, что хопя на сихъ поляхъ онъ и былъ побѣжденъ, но не помрачилъ воинской своей славы. Въ пять часовъ мы пріѣхали въ Дейчъ - Ваграмъ, гдѣ нашли ожидавшія насъ придворныя коляски, въ копорыхъ мы возвратились въ Вѣну въ прекраснѣйшій осенній вечеръ.

3-го Октября насъ пригласили въ Шенбрунъ, загородный дворецъ, отспо- лщій отъ Вѣны верстахъ въ трехъ, въ саду косяго построень на горѣ храмъ славы, нѣкогда любимое мѣсто Маріи Терезіи, откуда она обозрѣвала столицу свою и ея окрестности. Подлѣ меня

стоялъ какой-то вѣжливый камергеръ, который называлъ мнѣ по именамъ присутствовавшихъ гнупъ госпей, которыхъ я незналъ: »вопъ Принцъ Альбани,« сказалъ онъ. — »Неужели,« спросилъ я, »другъ Винкельмана? — »Онъ самый, опъ вѣчалъ Камергеръ, и прекрасная Вилла Альбани ему принадлежишь.« Я подошелъ къ Принцу; онъ говорилъ мнѣ о Винкельманѣ, который жилъ въ его домѣ, рассказывалъ много подробностей, касающихся до сего великаго писателя и, бесѣдуя объ изящныхъ искусствахъ и Римѣ, мы едва забыли, что находились посреди самаго блестящаго общества въ свѣтѣ.

Шенбрунскій дворецъ являлъ въ это время картину великой превратности счастья. Въ немъ жилаъ Наполеонъ, послѣ двукрапнаго покоренія Вѣны, въ немъ подписалъ онъ миръ въ 1809 году, по силѣ котораго Австрія уступила ему проспранныя области, населенныя болѣе нежели тремя милліонами жителей, и въ этомъ самомъ дворцѣ помѣстили во время Конгреса сына Наполеонова. Я просилъ позволенія видѣть сего ребенка, ко его рожденіе, воспѣное и празднованное во всѣхъ частяхъ свѣта, казалось зало-

гомъ прочности новой полипической системы и, которъй едва вышелъ изъ колыбели, какъ уже сдѣлался игралищемъ судьбы. Меня повели въ комнашу, небогато убранную, посреди которой спояли ипри женщины въ черныхъ плапьяхъ, изъ коихъ одна, госпожа Монпескью, держала за руку малюпку, имѣвшаго тогда чепыре года опъ роду. Гуспые бѣлые волосы, падавшіе локонами на плеча, осяняли прекрасные голубые глаза его и миловидное лицо, коего бѣлизна увеличивалася опъ черной гусарской курпки, украшенной звѣздою почепнаго легіона и премея небольшими орденами, учрежденными опцомъ его. Онъ любилъ посещенія военныхъ и со вниманіемъ осматривалъ мундиръ мой и шпагу. Воспитательница его сказывала мнѣ, что онъ часно ивердилъ о Фоншенебло и Рамбули, и всякой день спрашивалъ о своемъ панинкѣ. Его окружали исключительно Французы; Нѣмцовъ при немъ не было. Мицупъ черезъ десять послѣ меня, вошло къ нему нѣсколько Англичанъ, которые начали дѣлать нескромные вопросы, и я удалился.

Воспоминаніе Лейпцигскаго сраженія праздновали 6-го Окнября въ Прашеръ

объдомъ, за которымъ находилоя придцашъ пысячь войскъ. Они сперва проходили церемоніальнымъ маршемъ, во время коего Государь, по приближеніи гренадерскаго своего имени полка, спалъ въ головъ онаго, обнажилъ шпагу и опдалъ честь Императору Францу, что принято было Вѣнскими жителями съ большимъ удовольствіемъ, ибо никто сего не ожидалъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ продолженіи парада не оплучался опъ своего кирасирскаго полка, командовалъ онымъ на Нѣмецкомъ языкѣ и также салютовалъ Австрійскому Императору. По окончаніи угощенія народъ разсѣялся по Прагеру, которому нѣтъ подобнаго въ Европѣ. На этомъ прекрасномъ гуляньѣ каждой почти день гремитъ музыка, разѣзжаютъ щегольскіе экипажи, молодые люди рисуются на спальныхъ лошадяхъ, миловидныя дѣвушки подносятъ букеты изъ цвѣтовъ и безчисленное множество добродушныхъ Нѣмцовъ видятъ за круглыми столиками, или ходятъ пѣшкомъ по темнымъ каштановымъ аллеямъ. Не взирая на великое число посѣпителей, бывающихъ въ Прагерѣ, особенно по четвергамъ и въ воскресные дни, не видно тамъ ни одного полицей-

скаго чиновника; пишина и спокойствіе никогда ненарушаются, кажется, что всякой знаетъ свое мѣсто. Эрцгерцоги и военные являющіяся во фракахъ и безъ орденовъ, которыми вообще въ Австріи награждаютъ съ величайшею скупостію; жадность къ достиженію знаковъ отличія, составляющая истинную болѣзнь нашего вѣка, въ Австріи еще неизвѣстна.

На слѣдующій день Государь пригласилъ болѣе прехъ сотъ особъ къ обѣденному сполу въ великолѣпномъ домѣ Графа Разумовскаго, поселившагося въ Вѣнѣ. Кромѣ двухъ Императоровъ съ Ихъ супругами, четырехъ Королей и прирццати особъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ домамъ, находились тутъ только военные, участвовавшіе въ Лейпцигскомъ сраженіи. Споловая зала, перестроенная для сего праздника изъ манежа, была убрана знаменами всѣхъ союзныхъ державъ и освѣщена шестьюстами лампами. На столахъ возвышались воинскіе доспѣхи, состоявшіе изъ прехъцвѣпныхъ Французскихъ знаменъ, украшенныхъ орлами и круглыми щитами, съ означеніемъ сраженій, выигранныхъ въ послѣдніе походы. Такимъ образомъ каждый изъ присутствовавшихъ видѣлъ передъ собою дни

собспвенныхъ своихъ подвиговъ или славы своихъ единоземцовъ, а для военнаго воспоминаніе естъ такое сокровище, котораго ни чѣмъ оцѣнить невозможно. Скромность не позволила начерпать побѣдъ, одержанныхъ въ опечесвленную войну; но для Русскихъ всего утѣшительнѣе было, что ровно за два года, въ эпоху самый день, непріятели выгнаны изъ Москвы и занялась заря свободы нашего опечества. Государь за обѣдомъ преимущественно обращалъ рѣчь къ Эрцгерцогу Карлу и фельдмаршалу Князю Шварценбергу, котораго онъ два раза обнялъ, а Великая Княгиня Екатерина Павловна, выходя изъ за стола, подала ему руку, почему предводитель союзныхъ армій подъ Лейпцигомъ шелъ впереди многихъ Эрцгерцоговъ и Приицевъ.

ГЛАВА X.

Поездка въ Венгрію. — Взглядъ на оную. — Славяне. — Премъ. — Национальный музеумъ. — Взглядъ на Офенъ и Пестъ. — Представленіе Венгерцовъ. — Разговоръ о Наполеонѣ. — Венгерскія женщины. — Гулянье на Маргаритиномъ острову. — Балъ у графа Шандора. — Отъездъ въ Пресбургъ. — Разговоръ о Венгріи. — Возраженіе. — Стихотворенія.

Какъ приятны минушы, когда говоримся въ такое Государство, въ которомъ мы еще не были! Мысль, видѣть новую землю, другихъ людей, слышать сужденія ихъ, распространить кругъ своихъ понятій, это занимаетъ воображеніе прелесными ожиданіями. Такъ радовался я извѣстіи, что мнѣ предстоитъ поездка въ Венгрію, куда Государь отправлялся на пять дней вмѣстѣ съ Импера-

поромъ Австрійскимъ, Королемъ Прусскимъ, брапомъ его Вильгельмомъ и Эрцгерцогомъ Палашиномъ.

12-го Октябрю вечеромъ мы поѣхали изъ Вѣны прямо въ Офенъ съ тѣмъ, что бы на возвратномъ пути посѣтить Пресбургъ. На разсвѣтъ слѣдующаго дня я находился уже въ предѣлахъ Венгрии, гдѣ увидѣлъ разбросанныя селенія, необработанныя поля, одѣтыхъ въ овчины бѣдныхъ, длинноволосыхъ крестьянъ, съ небрипыми усами. Спанціонные смотрители и чиновники, выходящіе къ намъ на встрѣчу, все въ гусарскихъ плапьяхъ: это одежда дворянства и даже ученыхъ и профессоровъ. Дорога шла болышею частію вдоль Дуная, на которомъ не было ни одного судна; кое-гдѣ показывались рыбацкія лодки; берега покрыты пролѣскомъ, и споявшія въ нѣкошорыхъ мѣстахъ надъ рѣкою утесистыя скалы придавали еще болѣе дикости сей картинѣ. Все напоминало мнѣ въ эпопуъ день, что я уже не подъ небомъ щасливой Германіи, гдѣ мудрыя законы ограждаютъ права лицъ и собственности и гдѣ правоспвенность, распроспраненная во всехъ сословіяхъ, способствуетъ съ своей спо-

роны успѣшному дѣйствию законовъ. Въ полночь мы прѣехали въ Офень.

14-го Октябрю рано поушру, когда во дворцѣ еще все покоилось, я спустился съ горы, на которой стоишь замокъ, гуляя по Офену и ходилъ въ Песпъ, лежащій на противномъ берегу Дуная, который здѣсь также широкъ, какъ Нева въ Пешербургѣ. Къ сторонѣ Вѣны видны горы, а внизъ по печенію рѣки, взоръ терлется въ необозримыхъ степяхъ. Въ скоромъ времени народъ меня окружилъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на Русскаго; особенно подходили ко мнѣ Сербы и Славяне; нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ говорили мнѣ: «мы прѣехали въ Офень издалека, что бы увидѣть Монарха Славянскаго поколѣнія. — » Все, что мы объ немъ слышали, прервалъ одинъ изъ нихъ, «увѣряетъ насъ, что Онъ печать Царей.» Выраженіе поэтическое, показывающее чувствва соплеменниковъ нашихъ и единоверцовъ, которые часто обращаются мысленно къ Россіи съ такими желаніями, какія исполняли Израильяны, во время плѣненія Вавилонскаго. Они рассказывали мнѣ о восхищеніи своемъ, когда узнали объ истребленіи непріятелей въ 1812 году. «Мы радовались,» говорили они, «что Бона-

» парше нашель преграду завоеваніямъ своимъ посреди Славянскаго племени.« Одинъ ученый изъ сего народа, желавшій въ поплъ день поднести Государю книгу своего сочиненія, писалъ комнѣ письмо, въ которомъ между прочимъ сказано. » Я хопѣлъ воспользоваться симъ благопріятнымъ случаемъ, чшобы повергнушь книгу мою къ стопамъ всѣми обожаемаго Монарха Славянъ и доказать, чшо и мы Славяне, въ нашемъ уголкѣ земли, стараемся пребыть Славянами, спрудимся надъ нашимъ лзыкомъ, любимъ науки и взираемъ съ привзанностію и благоговѣніемъ на Россію, какъ на великое отечество Славянъ.« Полипическое положеніе ихъ между прочимъ таково, чшо ежели кто изъ нихъ отличился заслугами, то сго жалууютъ въ Австрійскіе или Венгерскіе дворяне, ибо принято за правило, чшо Славянскихъ дворянъ существовать не можетъ.

Возвращаясь во дворець я встрѣпилъ Иеромонаха, живущаго чептыре года при могилѣ Великой Княгини Александры Павловны, погребенной въ мѣспечкѣ Иремъ, лежащемъ въ семи верспахъ опѣ Офена, въ сторонѣ опѣ большой дороги. Богомольцы собираются шуда во множествѣ въ нѣкоторыя праздники и благословляютъ

память усопшей, которая приобрѣла общую любовь въ теченіи кратковременнаго своего пребыванія въ Венгріи. Монахъ сказывалъ мнѣ, что изъ Принцевъ Австрійскаго дома только одна Императрица Марія Луиза посѣтила при немъ уединенный Иремъ.

Въ десять часовъ утра дворъ опсравился осматривать достойныя вниманія заведенія, находящіяся въ Офенъ и Песнъ. Примѣчательнѣе прочихъ національный Музеумъ, учрежденный для помѣщенія всѣхъ естественныхъ произведеній, добываемыхъ въ Венгріи. Въ ономъ находилась также древности ея, старинныя оружія, упвари, монеты, искусственныя предметы, дѣлаемые туземцами, и сочиненія и карны, касающіяся до сего края. Графъ Сеченій, который въ 1802 году завѣщалъ Венгріи свою библіотеку, состоящую изъ опечесственныхъ книгъ, починается основателемъ сего заведенія. Примѣръ его нашелъ въ скоромъ времени подражателей и, по прошествіи трехъ лѣтъ, библіотека до того приумножилась, что надобно было перенести оную въ обширнѣйшій противъ прежняго домъ. При семъ случаѣ родилась щастливая мысль, присовокупить къ книгохранили-

*

щу древности и всякаго рода предметы; предложеніе осемь было одобрено на Сеймъ, и въ скоромъ времени денежными и другими пожертвованіями, между коими важнѣйшее есть ботаническій садъ, подаренный Княземъ Грассалковичемъ, Музеумъ сей доведенъ до снѣпени, соотвѣтствующей цѣли его учрежденія. Въ немъ заключается десять тысячъ книгъ, касающихся до Венгрии, 20.000 рукописей и большее количество монетъ. Сверхъ того денежный капиталъ, принадлежащій Музеуму, приносилъ 800 голландскихъ червонныхъ дохода. Жаль, что въ семъ прекрасномъ заведеніи нѣтъ портретовъ Венгерцовъ, опличившихся на службѣ, въ наукахъ и художествахъ, подобно какъ сіе сдѣлано въ Милавскомъ Музеумъ.

Мы объѣхали почти весь Пестъ и Офенъ, коихъ наружность некрасива; зависимость, въ которой содержится земля сія, не позволяетъ развиться промышленности. Дома большею частію въ одно и два жилья, лавки и магазинны бѣдны, товары выспавлены безъ разбора, широкія улицы наполнены старинными колясками, везомыми дурными лошадьми; не было ни одного экипажа, сдѣланнаго со вкусомъ. Жители стояли въ два ряда по

пѣтъ улицамъ, гдѣ мы проѣзжали, встрѣчая Монарховъ громкими, радостными восклицаніями; они совсѣмъ не похожи на Пѣмцовъ и имѣющъ болѣе подобіа съ Малороссіянами, съ коими у нихъ одинаковыя военной видъ и гордая осанка.

Во дворецъ ожидали Государя духовенство, военные, дворяне, чиновники и дамы. Императоръ явился нунъ въ первый разъ въ Лейбъ гусарскомъ мундирѣ, что чрезвычайно понравилось Венгерцамъ, какъ знакъ уваженія къ народному ихъ одьянію. Между военными находился Графъ Радецкій, одинъ изъ опличныхъ Австрійскихъ Генераловъ, копорый былъ начальникомъ щпаба арміи Князя Шварценберга въ послѣднихъ двухъ походахъ. Обнявъ меня, онъ сказалъ: » Я никогда не забуду этого времени, когда я служилъ съ Русскими.» Послѣ военныхъ представляли обоюго пола дворянство, одно изъ блистательнѣйшихъ въ Европѣ, по древности фамилій, богатству и особенно по непоколебимой привязанности къ нравамъ и обычаямъ своего края. Въ поступи мужчинъ видна швердость характера; женщины, прекрасныя собою, были одѣты въ черныхъ платьяхъ, имѣя на головѣ діадимы и черное или бѣлое покрывало, на подо-

біе пого, которое извѣстно въ Ипаліи подѣ именемъ mezzago. Послѣ общей аудіенціи Государь принималъ въ Кабинетѣ Греческаго исповѣданія Епископа Діонисія.

Въ два часа насъ пригласили къ обѣденному столу; я сидѣлъ подлѣ Генерала Коллера, который въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сопровождалъ Наполеона изъ Фонтенебло до мѣста его изгнанія, гдѣ онъ съ нимъ жилъ нѣсколько недѣль. Онъ мнѣ сообщилъ разныя подробности о семъ необыкновенномъ человѣкѣ; »Упрямство мое, »сказалъ ему Наполеонъ, возвело меня на »престолъ; я полагалъ, что мнѣ не слѣдовало измѣнятьъ моимъ правиламъ; я »хотѣлъ вполнѣ сохранить славу мою, »хотя и зналъ, что непреклонность моя »могла стоить мнѣ престола, которымъ »я впрочемъ не дорожилъ. Я пошелъ на »Сенъ-Дизіе, продолжалъ онъ, потому »что мнѣ извѣстно было изъ двадцатилѣтнихъ опытовъ, что вы приходили »въ величайшее замѣшательство, лишь »только я опряжалъ нѣсколькихъ гусаръ »на ваши сообщенія: этакъ же разъ я »спалъ на нихъ со всею арміею, но вы »обо мнѣ мало заботились.« Подлѣ Эльбы находится небольшой островъ, никому непринадлежащій, который онъ себѣ

присвоилъ, и сказалъ при семь случаѣ Коллеру: »Когда объ этомъ узнаюшъ въ Европѣ, то закричаю, что Наполеонъ, »пожираемый спрашнїю къ завоеванїямъ, »занялъ чужую область; постарайтесь »меня оправдать.« Онъ имѣлъ слабость увѣрять, что жители Эльбы привязаны къ нему за опеческое его управленїе; »если Франція не хотѣла имѣть меня »своимъ Государемъ,« говорилъ онъ, »то «я докажу здѣсь, что умѣю царствовать.«

Послѣ обѣда мы опправились на высокую гору, называемую Блоксбергъ, откуда видно большее пространство теченїя Дуная. На горѣ находилъ обсерваторїя, коей начальникъ, извѣстный Баварскїй художникъ Рейхенбахъ, показывалъ намъ астрономическіе инструменты. Прекрасный видъ съ Блоксберга занималъ меня болѣе, нежели разговоры профессора; мнѣ казалось, что весь дворъ былъ моего мнѣнїя. Мы не успѣли возвратиться въ замокъ, какъ насъ пригласили на придворный балъ, гдѣ особы обоого пола осыпали насъ привѣтствїями и вѣжливостями; балъ былъ единственнїй въ своемъ родѣ по множеству Венгерскихъ отдѣлнѣй присутствовавшихъ. Женщины превзошли мое ожиданїе оп-

личнымъ своимъ воспитаніемъ; онѣ совсѣмъ непохожи на Нѣмокъ, говорятъ чиспымъ Французскимъ языкомъ, ловки, и умны; едва можно повѣришь, что онѣ достигнули такой степени образованія въ снранѣ, почитающейся въ числѣ не самыхъ просвѣщенныхъ. Онѣ были въ восхищеніи оцѣ Государя, который всего болѣе панцовалъ съ молодою и прекрасною Графиною Орчи. Послѣ ужина мы ѣздили по городу, коего улицы были освѣщены разноцвѣтными огнями.

15-го Октябрю мы провели ушро на ученѣ одного коннаго полка, а послѣ большаго придворнаго обѣда насѣ пригласили на такой называемый Маргаритинъ островъ, лежащій на Дунаѣ верстахъ въ трехъ отъ Офена, куда мы поѣхали во фракахъ, при рукоплесканіи народа. Послѣ продолжительной прогулки по Англійскому саду, разведенному на островѣ, мы намѣрены были возвратиться въ городъ, но намѣ сказали, что начинается собираніе винограда. Въ эту минуцу явилось царь пятьдесятъ молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, прекрасно одѣтыхъ въ плащя народовъ населяющихъ Венгрію. Они разсѣялись между виноградныхъ лозъ, пѣли національныя пѣсни и сѣзывали ягоды,

копорыя дѣвушки намъ подносили. Попомъ показывали какимъ образомъ пригопвляющъ вино, а послѣ мы вошли въ домъ, устроенный нарочно для принятія Монарховъ, и увидѣли съ балкона возвращеніе мнимыхъ креспьянъ, собиравшихъ винограда. Начались народныя пляски, по заключеніи коихъ дѣвушки, почти всѣ прекрасныя собою и въ цвѣтѣ лѣтъ, принесли къ намъ на верхъ большую корзину винограда, украшенную гирляндой, и одна изъ нихъ привѣщивала Государя. Вслѣдъ за симъ вышли изъ аллеи, находившейся противъ балкона, на копоромъ мы спояли, двадцать паръ маленькихъ мальчиковъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ по гусарски, копорые, выступая съ важностію, открыли Венгерской панецъ и попомъ представляли балетъ. По окончаніи, собираемые винограда спали, взявшись за руки, по двумъ сторонамъ дороги, по копорой намъ надлежало возвращаться и подавались впередъ по мѣрѣ нашего приближенія къ берегу, гдѣ назначенные для перееза суда украшены были флагами союзныхъ державъ. Прелестная осенняя погода благопріятствовала сей прогулкѣ. Ни при одномъ дворѣ не умѣютъ такъ хорошо устрои-

вать разнаго рода увеселенія, какъ при Австрійскомъ; на примѣръ, на Маргаритиномъ островѣ находилось не болѣе пятнадцати особъ, въ семь числъ при могущественныхъ Монарха и два брата ихъ; не взирая на то, царствовала совершенная непринужденность, и вѣжливостъ Австрійскихъ придворныхъ простиралась до такой степени, что каждый изъ посѣпителей могъ думать, что для него нарочно приготоновили сію прогулку.

Въ шесть часовъ мы поѣхали на балъ къ Графу Шандору, котораго домъ убранъ съ большимъ вкусомъ. Здѣсь находилось все дворянство, которое безиреспанно изъявляло желаніе, чпобы Государь изволилъ продлить свое пребываніе въ Венгріи. Мнѣ весьма хотѣлось, чпобы сіе желаніе ихъ исполнилось, потому что испинно дружеское ихъ обращеніе съ нами и неприпворное расположеніе къ Русскимъ болѣе и болѣе меня къ нимъ привязывали. Поздно вечеромъ гости оправились отъ Графа Шандора въ редушъ; путь, кромѣ дворянства, находимся я прочіа сословія жителей, между коими было много лицъ испорченныхъ воспою, доказывавшею слабые успѣхи прививанія оной,

не смотря на благоразумныя постановленія, изданныя по сему предмету Іосифомъ вторымъ.

16-го числа поутру мы выѣхали изъ Офена. Къ сожалѣнію я не могъ поклониться гробу Великой Княгини Александры Павловны, гдѣ Государь слушалъ обѣдню, ибо мнѣ приказано было, не останавливаясь, слѣдовать въ Пресбургъ, куда я пріѣхалъ въ полночь. Жители городовъ и деревень, черезъ которые шла дорога, полагая, что я какой нибудь знатный вельможа, выходили мнѣ на встрѣчу, зажигали ракеты, звонили въ колокола и привѣтствовали меня радостными криками; въ Пресбургъ сдѣланъ мнѣ былъ такой-же пріемъ. На другой день рано я осматривалъ дворецъ, гдѣ мы остановились, и гдѣ обыкновенно собираются Государственные чины. Эрцгерцога Палапинъ, котораго какъ хозяина, вспалъ ранѣе всѣхъ, вѣдиль меня самъ по огромнымъ заламъ, въ которыхъ нѣтъ ничего любопытнаго. Позолота, шпифные обои, мебель обитая бархатомъ, утомляющъ глаза; одно великолѣпіе, ежели не украшено произведеніями изящныхъ художествъ, не оставляетъ пріятныхъ

впечатлѣній въ душѣ. Государь пробылъ въ Пресбургѣ только нѣскольکو часовъ, а попому я не имѣлъ возможности оплучиться изъ дворца и только на нѣскольکو минутъ всходилъ на гору, гдѣ находилъ недавно сгорѣвшій Императорскій замокъ и откуда открывался предестный видъ.

Краткость времени не позволила много бесѣдовать съ людьми, копорыхъ знакомство я желалъ пріобрѣсти въ Венгріи; но нѣкоторыя изъ нихъ, съ откровенностию, свойственною благороднымъ душамъ, предупредили мое любопытство разговоромъ о различныхъ предметахъ, касающихся до ихъ правленія. Я не имѣлъ на благосклонность ихъ другаго права, кромѣ имени Русскаго, а это имя, сколько я замѣпилъ, не чуждо сердцу Венгерцовъ.» Мы неизвѣстны въ Европѣ, »сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, попому »что предспавляютъ опечесство наше »полудикимъ и непросвѣщеннымъ; увѣ- »ряютъ, что у насъ нѣтъ ничего при- »мѣчательнаго, что народъ и учрежденія »наши не заслуживаютъ вниманія; даже »дѣлаютъ затрудненія въ выдачѣ путе- »шественникамъ паспортовъ на проѣздъ »въ Венгрію «

Съ другимъ Магнапомъ я говорилъ о
 правленіи Королевспіва; помѣщаю его
 слова вмѣстѣ съ возраженіемъ. сдѣлан-
 нымъ однимъ изъ присутствовавшихъ
 Авспрійцевъ. « Мы наблюдаемъ строго
 » Констипуцію, приняшую отъ предковъ,
 » сказалъ первый изъ нихъ, и не позволя-
 » емъ, чѣобы въ оной сдѣлана была ма-
 » лѣйшая перемѣна; мы недопускаемъ из-
 » ключеній, ибо одно изъятіе повлечетъ
 » за собою другое, и тогда мы лишимся
 » правъ нашихъ. Мы желаемъ, чѣобы насъ
 » просили и не поперчимъ приказаній.
 » Иосифъ II, находя нужнымъ провести
 » мостовую въ одномъ изъ нашихъ уѣздовъ,
 » писалъ къ чинамъ о выгодахъ, могущихъ
 » произойти отъ того для земледѣлія и
 » торговли, заключивъ письмо сими сло-
 » вами: вы должны видѣть необходимость
 » устройенія такой дороги. Какъ! сказали
 » чины, мы должны? мы должны дѣлать
 » только то, что мы хотимъ, и не хотимъ
 » строить новой дороги, потому что
 » мы не должны оной дѣлать. Многіе изъ
 » вельможъ, хотѣя и видѣли пользу предла-
 » гаемой Иосифомъ мостовой, но нерѣши-
 » лись подать голоса своего въ пользу оной,
 » говоря: ежели мы покажемъ примѣръ, то
 » подумаютъ, что мы подкуплены! »

Генераль К. , одинъ изъ умнѣйшихъ Австрійскихъ военныхъ, услыша предметъ нашего разговора, опозвалъ меня, по окончаніи онаго, въ спорону и сказалъ мнѣ въ полголоса: « Правда, что Венгерскіе чины на всѣ предложенія Вѣнскаго двора опивѣчаютъ сначала: нѣтъ; но къ концу соглашаются обыкновенно надѣлаемыя имъ требованія. Они смотрятъ болѣе на букву, нежели на смыслъ своей Конспишущи. Напримѣръ, въ 1809 году, они позволили вспупитъ Австрійской арміи въ Венгрію и обязались продовольствовать оную. Въ слѣдствіе того посланъ я былъ, чтобы условиться съ чинами ихъ о гошпишалахъ, на что они опивѣчали, что хотя они и приняли обязанность на себя снабжать войска, но о больныхъ не было упомянуто, и посему лазареты до нихъ не касаются. Не трудно было доказать имъ противорѣчіе. Въ томъ же году уговорено было съ ними, что они будутъ опиводитъ кварпиры всѣмъ Австрійскимъ военнымъ чиновникамъ въ продолженіи войны. Они исполнили сіе до заключенія мира, но при прекращеніи военныхъ дѣйствій, когда арміи надлежало возвращаться, они оп-

»казались опъ содержанія поспол, утвер-
»ждал, что срокъ договора ихъ прошель.»

Питомцы Венгерскихъ музъ, уча-
ствуя въ общей радости согражданъ сво-
ихъ, по случаю прибытія Государя, про-
славили оное разными сочиненіями въ
Офенъ и Пресбургъ. Хотя похвалы спи-
хопворцевъ признаются давно уже вы-
мыслами лжи, и поэзія лишилась права на
достоинство исторіи, каковое, увѣряютъ,
будто бы она имѣла въ древности, одна-
коже творенія Венгерскихъ пѣвцовъ бы-
ли истинными опголосками общаго мнѣ-
нія Европы на счепъ Александра. Любо-
пышно, что почти въ каждомъ изъ нихъ
упоминается о сожженіи Москвы: сія
жerpва примиренія народовъ, поразив-
шая величіемъ своимъ современниковъ,
конечно возбудилъ не меньшее удивленіе
въ потомствѣ.

Вечеромъ того же дня мы возвраши-
лись въ Вѣну.

ГЛАВА XI.

УВЕСЕЛЕНІЯ. — КАТАНЬЁ ВЪ САНЯХЪ. —
КАРУСЕЛЬ. — ТЕАТРЪ. — ИМПЕРАТОРЪ
ФРАНЦЪ. — КАБИНЕТЪ ЕГО. — ИМПЕРАТ-
РИЦА АВСТРІЙСКАЯ. — УГОЩЕНІЕ ВЪНСКА-
ГО ДВОРА. — ОБЪДЫ У ГОСУДАРЯ. — КА-
МЕРЪ-БАЛЫ. — ЛАГАРЦЪ.

Всякой почти день въ продолженіе Конгреса бывали при дворѣ, у пословъ, Австрійскихъ вельможъ и въ публичныхъ мѣстахъ балы и вечернія собранія, гдѣ царствовало такое веселіе, какъ будто бы давно не вели войны, хотя раны, нанесенныя ею; были еще повсюду свѣжи. Многіе порицали сію, какъ они говорили, несвоевременную разсѣянность, утверждая, что она препятствовала заниматься дѣлами съ надлежащимъ вниманіемъ. »Каково идетъ Конгресъ,« спросилъ нѣкто у Принца де Линя? — »Онъ неидетъ,« отвѣчалъ Принцъ, »а пляшетъ.« — Это

были слова, болѣе оспрыя, чѣмъ справедливыя, ежели разсмопримъ наспоящсе положеніе обстоятельствъ. Неслыханныя въ Испоріи волненія потрясали Европу въ печеніи двадцати пяти лѣтъ; начала, освѣщенный вѣками, на которыхъ опочивала незыблемость престоловъ и взаимныя отношенія державъ, были ниспровергнуны: прошло не болѣе полугода, какъ миновалися бури, грозившія все поглотить, и чѣмъ опасность была сильнѣе, тѣмъ радость избавленія сдѣлалась ошущипельнѣе, и тѣмъ охотнѣе предавалися соединенные на Конгресъ лица, разнаго рода удовольствіямъ.

Вѣнской дворъ былъ неистощимъ въ изобрѣшеніи увеселеній и праздниковъ. Балы, по многочисленности своей, становилися уже слишкомъ единообразны, почему принуждены были прибѣгнуть къ другаго рода забавамъ. Лишь только выпалъ снѣгъ, по началу приготавлиль капанье въ великолѣпныхъ саняхъ, блестявшихъ позолотою и сдѣланныхъ на подобіе колесницъ; но къ несчастію снѣгъ скоро сошелъ, и принуждены были отрядить множество людей, которые собирали оный по полямъ въ корзинахъ и усыпали имъ дорогу, по коей надлежало ѣхать. Впере-

ди находился Оберъ-Шпалмейстеръ , за нимъ Императоръ Францъ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною , попомъ Государь съ Княгинею Габріеллою Ауербергъ , послѣ Король Прусскій съ Великою Княгинею Маріею Павловною , и такъ далѣе. Всѣхъ саней было до пятидесяти , въ коихъ сидѣли почти исключительно владѣтельные Князья.

Послѣ сего гулянья былъ данъ карусель въ огромнѣйшемъ и самомъ красивомъ , изъ Европейскихъ , манежѣ. Сражающіеся рыцари , въ карпинной одеждѣ среднихъ вѣковъ , съ шлемами , остяяемыми перьями , принадлежали къ фамиліямъ , коихъ древность перллась во мракъ вѣковъ ; конскіе уборы соотвѣтствовали одѣянію всадниковъ. Въ особенной ложѣ сидѣли , по старинному обычаю , дамы мыслей и сердецъ рыцарей ; имъ надлежало раздавать награды побѣдителямъ и онѣ были , такъ сказать , облиты драгоценными камнями въ такомъ множествѣ , каковаго я ни при одномъ дворѣ не видалъ. Зрители сего каруселя состояли почти изъ всѣхъ знаменитѣйшихъ нашихъ современниковъ.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ устроили при дворѣ шаепрѣ , на копоромъ предспавляли

живыя картины, на примѣръ Олимпъ, Даріево семейство Лебрюна и другія, и играли Французскія комедіи; актерами были придворные. Изъ разныхъ драматическихъ сочиненій имѣли наиболѣе успѣха »пѣсни прудадуровъ 1148 года.« Князь Антоній Радзивиль въ роляхъ преспарълаго Блонделя, съ гишарою въ рукахъ, открылъ первое дѣйствіе пѣснею, въ которой превозносилъ красоту, любовь и славу; онъ не сходилъ со сцены, и, по мѣрѣ появленія прочихъ дѣйствующихъ лицъ, именовалъ каждое изъ оныхъ въ куплесахъ, принаровленныхъ къ ролямъ ихъ. Актеры обоюго пола пѣли относящіеся до крестовыхъ походовъ романсы, которые попомъ Графъ Вернегъ собралъ вмѣстѣ съ нотами въ особой книгѣ и поднесъ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Красавицы имѣли возможность, въ семь представленій, блеснуть своими прелестями и щегольскими нарядами, въ старинномъ вкусѣ, и обнаружитъ дарованія свои въ музыкѣ; но болѣе чѣмъ онѣ, поржесествовалъ шутъ Французскій языкъ. Хотя главныя занятія Конгреса состояли въ томъ, чтобы уравновѣситъ силы державъ, попрясенныя революціею, хотя оный созидалъ зданіе свое на развалинахъ Французской Имперіи, одна-

*

ко же не токмо всѣ сношенія его, но даже увеселенія, были на языкѣ, который писатели вѣка Людовика XIV сдѣлали всемірнымъ.

Любопытно было видѣть на сихъ празднествахъ сочепаніе людей, долгое время слѣдовавшихъ различнымъ политическимъ системамъ и служившихъ противнымъ споронамъ и, которые на Конгрессѣ должны были въ дѣлахъ спараться согласовать свои мнѣнія, а по вечерамъ предавались одинаковаго рода удовольствіямъ. Всѣ особы владѣтельныхъ домовъ посѣщали собранія, бывавшія у Пословъ и у другихъ имениныхъ частныхъ людей, кромѣ Австрійскаго Императора, который не бывалъ ни на какихъ другихъ балахъ, исключая придворныхъ. Онъ велъ себя, какъ старшій братъ царственной Европейской семьи и неизмѣнялъ обыкновенному своему образу жизни; вставалъ въ семь часовъ, обѣдалъ въ два, вечеромъ занимался музыкою. Когда онъ обѣдывалъ у Государя, что случалось весьма рѣдко, то для него готовили особенныя блюда, къ которымъ онъ привыкъ. Всякой день можно было его встрѣчать въ окрестностяхъ Вѣны пѣшкомъ или въ коляскѣ, одного или съ

своею супругою, одѣлаго во фракѣ или коришневомъ серпукѣ; онъ каждому изъ своихъ подданныхъ давалъ аудіенціи и говорилъ съ ними привѣпливо. Развѣ когда Министры его дѣлали на Конгресѣ какія либо особенныя требованія, или объявляли свое несогласіе на предложенія другихъ державъ, по только на сіе время онъ сказывался больнымъ и по нѣсколькимъ днямъ не выходилъ изъ комнаты. Братья его и родственники подражали скромной его жизни.

Въ одно утро пришелъ ко мнѣ единственный его Генераль-Адъютантъ Графъ Кучера и сказалъ, что Его Величество зоветь меня къ себѣ. Я послѣдовалъ за нимъ и черезъ нѣсколько минутъ меня пригласили въ кабинетъ Императора Франца, который просилъ меня посмотреть, пакъ ли онъ надѣлъ въ первый разъ Русскій мундиръ Кексгольмскаго гренадерскаго полка, коего за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ былъ наименованъ шефомъ, и соблюдены ли имъ всѣ спрогія требованія военнаго наряда. Кабинетъ его не великъ, мебели въ ономъ проспья и древнія, камердинеры его пожилые люди и обходятся съ нимъ вольно. Вообще при Вѣнскомъ дворѣ видно,

что находишься у спаринныхъ царей, которые изъ уваженія къ предкамъ не дѣлаютъ ни какихъ перемѣнъ въ существующемъ порядкѣ. Возвращаясь, я смѣялся въ душѣ, какъ судьба играетъ людьми; на то ли, подумалъ я, посвящена мной молодость наукамъ, чтобъ бышь призвану на совѣщаніе — о туалетѣ!

Тогдашняя супруга Императора была самая обходительная особа изъ всей царствующей Австрійской фамили и, которую Государь особенно опличалъ. Когда Его Величество принялъ на себя званіе Шефа Гиллерова полка, по оному были выданы новыя знамена, и Государь въ Австрійскомъ мундирѣ, пошелъ со всѣми офицерами полка къ Императрицѣ и просилъ Ее, чтобъ Она прикрѣпила знамена къ древкамъ. Она отвѣчала громкимъ и твердымъ голосомъ, обращая къ офицерамъ, сколь для нихъ велика честь, что Самодержецъ Всероссійскій удостоилъ полкъ быть шефомъ онаго и, что сіе обстоятельство должно еще болѣе утвердить дружбу, существующую между обѣими державами. Привязавъ знамена, Она вновь сказала прекрасное привѣпствіе.

Угощеніе, дѣланное Австрійскимъ дворомъ Монархамъ и даже чиновникамъ, находившимся при нихъ, должно было сполнить значительныхъ издержекъ, ибо не щадили ничего, чшобы пребываніе въ Вѣнѣ было каждому пріятно. Такимъ образомъ являлся ко мнѣ ежедневно по утру придворный служитель за приказаніями на счетъ стола и на сколько приборовъ оный накрывашь; а потомъ приходилъ берейпортъ, спрашивашь какой экипажъ мнѣ нужно приготовить и сколько верховыхъ лошадей, въ случаѣ ежели я вздумаю прогуливашься съ пріятелями. Незмѣнной и поспоаянной вѣжливости всѣхъ чиновъ двора, начиная съ самыхъ почтенныхъ особъ, каковы были Князь Траупмансдорфъ и Графъ Врбна, описать невозможно.

У Государя бывали не рѣдко для особъ царспивующихъ домовъ обѣденные столы, на которые приглашали только трехъ изъ подданныхъ, а именно Фельдмаршаловъ: Герцога Веллингтона и Князей Шварценберга и Вреде. Даже полномочные Послы и наши полные Генералы, въ числѣ коихъ находился почтенный Дохтуровъ, были исключены изъ сего об-

щества, состоявшего обыкновенно изъ слѣдующихъ лицъ:

1. Государь.
2. Государыня.
3. Австрійскій Императоръ.
4. Супруга его.
5. Прусскій Король.
6. Датскій Король.
7. Виртембергскій Король.
8. Баварскій Король.
9. Великая Княгиня Марія Павловна.
10. Екаперина Павловна.
11. Наслѣдный Австрійскій Принцъ.
12. Эрцгерцогъ Карлъ.
13. » Палапинъ.
14. » Антонъ.
15. » Реніе.
16. » Лудвигъ.
17. » Рудольфъ.
18. » Иоаннъ.
19. » Фердинандъ.
20. Неаполитанскій Принцъ Леопольдъ.
21. Эрцгерцогиня Леопольдина.
22. Клеменпина.
23. Беатриксъ.
24. Герцогъ Албертъ Сакенъ Тешенскій.
25. Принцъ Прусскій Вильгельмъ.

26. Принцъ Прусскій Августъ.
27. Курфисшъ Гессенъ-Кассельскій.
28. Принцъ Гольштейнъ-Бекскій.
29. Баварскій Наслѣдный Принцъ.
30. » Принцъ Карлъ.
31. Виртембергскій Наслѣдный Принцъ
32. Принцъ Ферди-
нандъ.
33. Великій Герцогъ Баденскій.
34. Герцогъ Веймарскій.
35. Дармштадтскій Наслѣдный Принцъ.
36. Герцогъ Кобургскій.
37. Принцесса Турнъ и Таксисъ.
38. Наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-
Стрелицкій.
39. Кобургскій Принцъ Леопольдъ.
40. » » Фердинандъ.
41. Бывшій Вице - Король Италійскій
Евгеній.
42. Гессенъ - Гомбургскій Наслѣдный
Принцъ.
43. Филиппъ.
44. Лудвигъ.
45. Нассаускій Герцогъ.
46. » Наслѣдный Принцъ.
47. Принцъ Гессенъ - Филипсшальскій.
Три Фельдмаршала.

Когда бывали у Государя большіе объ-
ды, по каждому изъ Флигель - Адьютанъ

повъ, находившихся при Его Величествѣ, назначалось приглашать на оный двухъ или трехъ особъ; мнѣ доспалось однажды ѣхать съ подобнымъ порученіемъ къ бывшему Вице-Королю Италійскому Евгению и одному Нѣмецкому Принцу. Коль скоро доложили обо мнѣ у перваго изъ нихъ, онъ вышелъ на встрѣчу за нѣсколько комнатъ, просилъ къ себѣ въ госпиную, благодарилъ за сдѣланную ему честь и сказалъ: »повергни те меня къ стопамъ Его Величества.» Видя униженное его положеніе, я живо представилъ въ эту минушу превращеніе его судьбы и, погруженный въ сихъ размышленіяхъ, пріѣхалъ къ другому Принцу, который принялъ меня почти съ такими обрядами, какъ встрѣчаютъ Пословъ восточныхъ Государствъ. Когда его извѣспили о моемъ пріѣздѣ, то вдругъ опперли обѣ половины дверей многихъ горницъ, у каждаго находились лакен, пажы и камергеры въ золотѣ, и я увидѣлъ Принца въ пятой комнатѣ, гдѣ онъ меня ожидалъ, стоя неподвижно и, не дѣлая ни шагу ко мнѣ впередъ.

Самыя примѣчательныя собранія, продолжавшіяся почти всю зиму при

дворѣ, были такъ называемые Камеръ-балы, на которые приглашали только Монарховъ, Владѣтельныхъ Князей и чиновниковъ, непосредственно принадлежавшихъ къ особамъ ихъ. Невозможно было смотрѣть безъ особеннаго любопытства на соединенныхъ въ одной комнатѣ повелителей почти всѣхъ народовъ Европы, которые на время, казалось, забыли распри, ихъ долгое время раздѣлявшія. Прежде не было въ обыкновеніи, чтобы они между собою видались, но въ Вѣнѣ совершилось противное тому, что доселѣ существовало. Монархи прибыли туда съ супругами своими, а иные и съ семействами, и между ними видно было въ вечернихъ собраніяхъ такое согласіе и единодушіе, каковаго ожидать можно было отъ особъ, соединенныхъ узами родства и, которое для блага подданныхъ ихъ не должно бы было никогда прекращаться. Здѣсь-то надлежало бытъ свидѣтелемъ благоговѣнія, всеяемаго Государемъ въ нихъ и ихъ приближенныхъ и, какъ Онъ, нисходя, такъ сказать, съ высоты могущества, на которую былъ поставленъ судьбою, заставлялъ непринужденнымъ и снисходительнымъ обращеніемъ своимъ забывать разстояніе, находившееся ме-

жду Нимъ и современниками Его; сіи послѣдніе не поспигали, какъ можно бышь споль очаровашельну пому, копорого необыкновеннымъ свойспвамъ вселенная плашила достпойную дань удивленія.

Въ сихъ собраніяхъ я вспрѣчалъ между прочимъ одного чело́вѣка, копорый не будучи ни посломъ, ни вельможею, ни полководцемъ, привлекалъ однако же на себя общее вниманіе и пользовался примѣрнымъ уваженіемъ коронованныхъ главъ. Я говорю о Лагарпѣ, копорый былъ споль проспѣ въ обхожденіи своемъ, какъ будто бы онъ не выходилъ изъ чреды обыкновенныхъ людей и не принадлежалъ испоріи. Во дворцѣ, гдѣ всѣ являлися въ возможномъ блескѣ, и гдѣ такъ многіе не щадили средствъ, чшобы привлечь на себя взоры, Лагарпѣ спановилса обыкновенно поодадь другихъ и обращалса одинаковымъ образомъ съ подданными и съ повелипелами народовъ, наблюдая припомъ распояніе, копорое, по принятымъ правиламъ или, ежели угодно, по сущесшвующимъ предразсудкамъ, порода положила между нимъ и великими сея земли. Онъ почши каждую недѣлю обѣдалъ вдвоемъ съ Государемъ; всякой эпкиетъ былъ изгнанъ изъ сихъ пріятельскихъ

объдовъ, на копорые Лагарпъ приходилъ во фракъ и сапогахъ; онъ писывалъ къ пипомцу своему записки, не рѣдко на маленькихъ лоскуткахъ бумаги, и немогъ говорити о Немъ безъ восхищенія. »Ни для
 »одного смертнаго, сказалъ онъ мнѣ одна-
 »жды, природа не была столь щедра, какъ
 »для Александра. Я находился при Немъ,
 »продолжалъ онъ, съ седьмаго года Его
 »возраста и оставилъ Его спустя годъ
 »послѣ Его бракосочетанія, въ печеніи
 »копорого я преподавалъ Ему еще уроки
 »вмѣстѣ съ Императрицею Елисаветою
 »Алексѣевою. Съ самаго младенческава я
 »замѣнилъ, что понятія Его были
 »очень ясны и почны. Я старался все-
 »лишь въ Него мысль, что Онъ истин-
 »ныхъ друзей имѣть неможеть. И пакъ
 »вы полагаете, господинъ Лагарпъ, ска-
 »зала мнѣ Императрица Екатерина, зас-
 »шавшая меня въ преподаваніи сихъ пра-
 »вилъ Великому Князю, что мы лишены
 »пріятностей и наслажденій дружбы?—
 »Не смѣю утверждать, отвѣчалъ я,
 »чтобы многіе изъ Монарховъ не были
 »достойны имѣть друзей, но положеніе
 »Ваше таково, что все, копорые къ Вамъ
 »близки, имѣютъ слишкомъ великую не-
 »обходимость въ Васъ, по чему говорятъ

» Вамъ большею частію то, чего не чув-
« ствуютъ. Сими правилами, продолжалъ
» Лагарпъ, довелъ я Государя до того,
» что Онъ полагается на себя, а не на
» окружающихъ Его, и хопя въ сердцѣ
» Его есть склонность къ дружбѣ, од-
» накоже Онъ неувлекается ею.»

ГЛАВА XII.

Предположенный Опъездъ. — Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы. — Догадки о семъ происшествии. — Впечатлѣнiе, произведенное онымъ въ Вѣнѣ. — Первое военное совѣщанiе. — Манифестъ Конгреса. — Военный совѣтъ. — Образованiе шрехъ армiй. — Россiйскiя войска. — Комиссiя о продовольствii. — Заключение.

При открытiи Конгреса думали, что дѣла въ ономъ рѣшатся мѣсяца въ три; попомъ, откладывая день за день, назначили окончанiе онаго въ исходѣ Февраля мѣсяца. Государь на возвратномъ пути въ Россiю, намѣревался посѣпить нѣкоторыя Германскiе дворы, соединенныя съ Нимъ узами родства и бышь въ Варшавѣ; почему и изготѣвили дворецъ въ семъ городѣ для пребыванiя Его Величества, но предположенiя сiи не состоя-

лися, ибо внезапно, 24-го Февраля вечеромъ, разнесся слухъ, что Наполеонъ бѣжалъ съ оспрова Эльбы. Съ самой минутой полученія сего извѣстія, оно сдѣлалось единственнымъ предметомъ совѣщаній Государственныхъ людей и разговоровъ Вѣскихъ жителей: на гуляньяхъ, въ собраніяхъ и частныхъ домахъ, только и слышны были толки о семъ происшествіи. Всѣ спрашивали, встрѣчая другъ друга, подтвержается ли оно и нѣтъ ли какихъ либо дальнѣйшихъ объ ономъ подробностей; вѣсть сія произвела, можно сказать, нѣкопорос оцѣненіе въ умахъ въ Вѣнѣ, гдѣ, въ печеніи шести мѣсяцовъ, жили посреди безпреспанныхъ веселостей. Баварскій Король, нѣкогда тѣсный союзникъ повелителя Франціи, на нѣсколько дней потерялъ аппетитъ и ходилъ какъ не свой.

Два дня прошли въ догадкахъ о томъ, гдѣ Наполеонъ выйдетъ на берегъ; одни полагали, что онъ отправится въ Америку, другіе, что онъ приспанетъ въ Неаполь; но большая часть, основываясь на неудовольствіяхъ, произведенныхъ слабымъ правленіемъ Бурбоновъ, думали, что онъ высадитъ войска свои во Франціи. Любопытство было неограниченно;

бумажныя деньги и государственныя облигаціи, сей барометръ общеспивеннаго мѣнѣя въ Европѣ, повсюду измѣнялись въ своемъ достоинствѣ; Австрійскія ассигнаціи по нѣскольку разъ въ день перемѣняли свою цѣну; Голландскій червонецъ въ двѣ недѣли возвысился отъ одиннадцати гульденовъ до двадцати одного. Наконецъ 26-го Февраля узнали, что Наполеонъ присталъ въ Анпибъ, и общее вниманіе обратилось на Парижъ, гдѣ, къ сожалѣнію, не было тогда Русскаго Посланника. Съ сей минуты все почитали войну неизбѣжною, чтобы неподвергнуть вновь порабощенію Европу и предварить опасности, подобныя тѣмъ, которыя съ начала революціи нарушали всемірное спокойствіе. Къ щастію, арміи еще не были распущены и положено начать, не теряя времени, приговоренія къ войнѣ, въ успѣхъ которой однако же нѣкоторые сомнѣвались, потому что узы, соединявшія до того времени державы, отчасти ослабли на Конгрессъ, гдѣ не всякой видѣлъ прѣбванія свои и желанія удовлетворенными. Нѣтъ сомнѣнія, что лазутчики Наполеона, находившіеся въ Вѣнѣ, увеличили въ своихъ донесеніяхъ неудовольствія, возник-

шія опть сего разногласія и, что онъ, довѣря ихъ ложнымъ показаніямъ, надѣялся найти себѣ союзниковъ на твердой землѣ. Однакоже расчетъ его оказался ошибочнымъ, потому что именно появленіе его, предвозвѣщавшее новыя напасти, заставило дворы забыть возродившіяся между ними распри и укрѣпило ихъ дружество.

Здѣсь представляется вопросъ, почему не приняты были мѣры для воспрепятствованія плѣннику бѣжать съ острова Эльбы? Рѣшеніе онаго находилось въ исторіи всѣхъ заговоровъ, увѣнчанныхъ успѣхомъ. Съ одной стороны хитрость сообщниковъ и непроницаемая тайна, ими соблюдаемая, а съ другой увѣренность въ невозможности удачи. На Конгрессъ многіе опасались близости мѣстопробыванія Наполеона и предприимчивости его. Генераль Коллеръ, жившій съ нимъ на островѣ Эльбѣ, за четыре мѣсяца сказывалъ мнѣ, »что Наполеонъ воспользуется первымъ »удобнымъ случаемъ къ побѣгу; но надобно,« присовокупилъ онъ, »чтобы ему »представился обширный кругъ дѣйствій.« Передъ новымъ годомъ пріѣзжалъ въ Вѣну бывший тайный Наполеона секретарь, которому приписываютъ сочи-

неніе извѣстной книги »о приращеніи могущества Россіи,» Ле Лорнъ - Дидевиль, съ предложеніями, коихъ нелѣпость была очевидна, но которыя однакоже рождали подозрѣніе о существованіи какихъ то тайныхъ замысловъ. Французскій Генераль Марсіаль, которому поручено было вести плѣнныхъ изъ Россіи во Францію, сказывалъ въ Вѣнѣ, что они, перейдя границу нашу, подняли знамя, на коемъ были изображены сіи слова: »мы съ нимъ увидимся.« Теперь уже дознано, сколь много писемъ Бурбоны получали о намѣреніяхъ врага своего; но они пренебрегли оными, какъ Юлій Кесарь совѣтами друзей своихъ, увѣщавшихъ его, не являться въ Сенатъ въ такой день, который, по ихъ догадкамъ, назначенъ былъ для умерщвленія его. Обвинять ихъ и другаго въ оплошности, значило бы усумниться, что провидѣніе по временамъ не посылаетъ кары, копорыхъ никакая человѣческая предусмотрительность опровергнеть не въ состояніи.

На другой день, послѣ полученія извѣстія о прибытіи Наполеона во Францію, собранъ былъ военный совѣтъ, на копоромъ присутствовали по одному Генералу съ Русской, Австрійской и Прус-

*

ской спороны. Они основывали разсужденія свои на трехъ слѣдующихъ предположеніяхъ: *первое*, или Наполсонъ вовсе не имѣеть сообщниковъ во Франціи, почему онъ не будетъ въ состояніи собрать арміи и погибнетъ, что и находили въ-рояшнымъ, судя по описанію Коменданша города Аншибъ перейти на его спорону. *Второе*, или онъ увѣренъ, что найдетъ значительное число преданныхъ себѣ людей, съ которыми покоритъ роялиствъ; наконецъ *третье*, что при появленіи его вспыхнетъ всеобщій бунтъ, особенно въ Парижъ, и Король, лишась войскъ, не будетъ въ состояніи противопоставить ему никакого сопротивленія.

Каждое изъ сихъ предположеній должно было имѣть особенныя послѣдствія; почему разсудили не спѣшить соединеніемъ армій у границъ Франціи, но велѣли только находиться онымъ въ готовности, а именно: Россійскимъ войскамъ между Кракова и Калиша, Австрійскимъ на Рейнъ, Англинскимъ и Голландскимъ между Нампоромъ и Монсомъ, а Прусскимъ у Магдебурга, за исключеніемъ корпуса Генерала Клейсга, которому приказано расположиться между Майнцемъ и Луксембургомъ. Сверхъ того опредѣлили, ежели бы Ко-

роль Французскій имѣлъ достапочтую армию, чпобы идти на общаго непріателя, по въ такомъ случаѣ Генералу Клейсту соединиться съ Англо - Баварскою арміею и Австрійцами, находившимся уже въ окрестностяхъ Майнца и направитъ ихъ на Парижъ; за ними вслѣдъ опрядитъ главныя силы Австрійцевъ, сосредоточивавшіяся у Майнца, а городъ сей почипаетъ главнымъ мѣстомъ вооруженія для всѣхъ армій. Въ заключеніе согласились не позволять Швейцаріи оставаться неупральною.

Не прошло пяти дней послѣ сего засѣданія, какъ извѣспились объ успѣхахъ Наполеона, дѣйствовавшаго съ чрезвычайною быстротою. Въ Вѣнѣ узнали почти въ одно и тоже время о движеніи его къ Греноблю, измѣнѣ Лабедоера, занятіи Ліона и опчяніи Бурбоновъ, опъ копорыхъ оплагались разные корпуса войскъ одинъ за другимъ. Тогда же Неаполитанскій Король напалъ на Австрійцевъ, безъ предварительнаго объявленія войны и опкрыпо покушеніе увезти Римскаго Короля изъ Шенбрунскаго дворца. Сии два обстоятельство удостовѣрили еще болѣе въ обширности замысловъ Наполеона и, чпо сообщники

его находились не въ одной Франціи. Въ слѣдствіе сего уполномоченные на Конгрессѣ обнародовали манифестъ, копорымъ объявляли: » что Наполеонъ нарушилъ за- »ключенные съ ними договоры, что вла- »дычество его несомѣстно съ спокой- »ствіемъ Европы и, что всѣ державы »обязуются его низложить.« Немедленно отправлены были въ пограничныя мѣста курьеры съ предписаніемъ не впускать въ предѣлы Австріи чиновниковъ, посланныхъ Наполеономъ къ первенствующимъ дворамъ съ различными предложеніями.

Чтобы привести въ исполненіе угрозы, изложенныя въ семъ манифестѣ, опредѣлили количество войскъ, которое каждое Государство должно было выставить, и назначили сборныя мѣста для оныхъ. Засѣданіе, бывшее по сему случаю въ домѣ Герцога Веллингтона, досшойно примѣчанія, какъ по единодушію мнѣній членовъ, такъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, въ ономъ принятымъ. Изъ восьми лицъ, присуиствовавшихъ въ семъ совѣтѣ, было три Фельдмаршала: Веллингтонъ, Шварценбергъ и Вреде, а изъ королеванныхъ главъ только — одинъ Александръ, копорый въ начинавшейся войнѣ вновь являлся въ видѣ Агамемнона.

Опредѣлено было выславить три арміи; первую, названную арміею верхняго Рейна, подъ начальствомъ Князя Шварценберга и соспавленную изъ Австрійцевъ, Баварцевъ, Баденцовъ, Виртембергцевъ и Дармштадцевъ, коимъ надлежало расположиться между Франкфурпомъ и Базелемъ; вторую, нижняго Рейна, изъ спа ппидесяти прехъ тысячъ Прусаковъ, подъ начальствомъ Князя Блюхера, и третію, Нидерландскую, предводимую Герцогомъ Веллингтономъ, изъ Англичанъ, Ганноверцовъ и Голландцевъ. Войска прочихъ владѣтелей Германіи имѣли бытъ распредѣлены въ арміи Фельдмаршаловъ Блюхера и Веллингтона; сверхъ того двадцати тысячному корпусу надлежало занять крѣпость Майнцъ.

Россійская армія долженствовала соспавлять главный резервъ вооруженныхъ силъ Европы; на сей конецъ Фельдмаршалъ Барклай де Толли выступилъ изъ Царсва Польскаго къ Рейну въ прехъ колоннахъ, въ коихъ находилось, со включеніемъ парковъ и всѣхъ лицъ къ военному управленію и обозу принадлежащихъ, двѣсти двадцать пять тысячъ семдесятъ пять человекъ. Въ тоже время подъ начальствомъ Генерала Миллера-За-

комельскаго образовалась резервная армія изъ третѣхъ бапаліоновъ и седьмьхъ эскадроновъ полковъ, назначенныхъ дѣйствовать противъ Франціи, а для подкрѣпленія ея и содержанія въ спокойствіи прилежащихъ къ Бугу и Нѣману Губерній, въ которыхъ начали обнаруживаться непріязненныя волненія, корпусъ Князя Горчакова опряженъ былъ изъ южной арміи къ Бреспу Липовскому. Кроме сего огромнаго ополченія Россіянъ, двинувшагося на защиту Европы, оснавалось еще внутри Имперіи болѣе трехъ сотъ тысячъ войскъ. Не столько многочисленность арміи нашей, бывшей въ сіе время вдвое сильнѣе нежели при началѣ опечественной войны, сколько устройство ея, предметъ постолннихъ, ежедневныхъ заботъ Государя, возбуждало удивленіе иностранцевъ. Въ рядахъ ея находились полководцы, одержавшіе блистательныя побѣды, и частныя Генералы, коихъ имена, издавна любезныя Россіи, числились не въ однихъ спискахъ, сохраняемыхъ въ дежурствахъ, но занимали уже почетныя мѣста въ военныхъ мѣментахъ.

Потомъ приступили къ разсужденію о продовольствіи войскъ во время слѣ-

дованія ихъ къ Рейну; для сего учреждена была комиссія, въ которой находились Русскіе, Австрійскіе, Англинскіе и Прусскіе чиновники. Дѣйствія ея замедлялись опъ непомѣрныхъ цѣнъ, которыя требовали съ насъ различныя Нѣмецкія правительсва. Зная благородный образъ мыслей Государя, они спорговались какъ купцы, и на каждомъ шагу представляли затрудненія. Одни говорили о совершенной невозможности продовольствовать Русскихъ, а другіе утверждали, что собственныя ихъ войска будущъ скоро претерпѣвають голодъ. Немного оставалось Германскихъ владѣтелей, не прибѣгавшихъ съ просьбами о избавленіи земель ихъ опъ прохода Русскихъ войскъ; хопя въ поже время они и убѣждали Государя не оставлять ихъ безъ защиты противъ общаго врага. Саксонцы присылали нарочную для сего депушацию, настаивая въ особенності, чшобы наши, во время движенія своего къ Франціи, не касались нѣкоторыхъ городовъ, какъ напримѣръ Лейпцига. По заключенному условію чрезъ Виртембергю должны были проходить одни Австрійцы, но два большіе наши опряда какимъ-то образомъ направились чрезъ нѣкоторыя по-

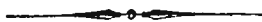
граничныя деревни сего Королевства, и нпощасъ прибыль въ Вѣну нарочный Генераль изъ Сшунгарда объявилъ рѣшительно объ отказѣ своего правительствва продовольствовашъ Русскихъ. Баварцы дѣлали всѣхъ болѣе затрудненій; одинъ изъ Миниспровъ ихъ писалъ: »Въ послѣднія войны пожертвованія Баваріи были такъ для нее обременительны, что не успановивъ почныхъ условій на счетъ возврата денегъ за поставку продовольствія, нѣтъ возможности прѣбавать отъ нее какого либо пособія при проходѣ Русскихъ войскъ.« Незначило ли сіе въ переводѣ: Русскіе, вы насъ спасите, и сверхъ того за наше избавленіе заплашите намъ деньги.

Приготовленія къ войнѣ замедлили окончаніе Конгреса, на которомъ Александръ довершилъ начатое Петромъ и Екатериною, упрочивъ влїяніе Россіи на прочія державы. Возстановя, съ нѣкоторыми измѣненіями прошиву прежняго, политическое равновѣсіе, сіе необходимое условіе просвѣщенія и благосостоянія народовъ, Ему надобно было для защиты онаго прошивъ Франціи вновь обнажить мечъ. Россіи, оградившей навсегда Европу съ Воспока отъ нашеспи-

вія варваровъ и Турокъ и, оказавшей пѣмъ величайшую услугу челоуѣчеству, предстолять прудъ въ другой разъ избавить ее со спороны Запада опъ военного деспотизма Наполеона. Посему, опложивъ намѣреніе свое возвратились въ Россію, Государь рѣшился опять, какъ и въ прошломъ году, лично предводителъствовать арміями. Такимъ образомъ жребій войны былъ брошенъ. Едва начали науки развиваться подъ сѣнію мира и едва шорговля спала оживошворятъ долгое время спѣшенную промышленность, какъ снова опъ Уральскихъ горъ до Лиссабона дороги покрылись многочисленными арміями и восклицанія: къ оружію! — раздалась опъ одного конца Европы до другого.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Страниц.
ГЛАВА I. Приказы Наполеона и Александра.— Начало похода.— О Франціи.— Сра- женіе при Бриенѣ.— Бриенскій за- мокъ.— Различныя направленія ар- мій.— Движеніе Наполеона на Сенъ- Дизіе.— Перехваченная почта.— Военный совѣтъ.— Рѣшеніе идти на Парижъ	1.
II. Маршъ отъ Випри.— Сраженіе при Ферь-Шампенуазѣ.— Подвигъ Госу- даря.— Бѣлыя повязки.— Прибли- женіе къ Парижу.— Ночь наканунѣ Монмартрскаго сраженія.— Перего- ворщикъ.— Сраженіе.— Посланные Парижа	16.
III. Утро 19-го Марша.— Коленкуръ.— Отъездъ Государя изъ Бонди.— При- ближеніе къ Парижу.— Монмартр- ское предмѣстіе.— Бульвары.— Ели- сейскія поля.— Окончаніе смотра.— Вечеръ	27.
IV. Прокламаціи Государя и Француз- скихъ Претектовъ.— Назначеніе Ге- нерала Сакена Губернаторомъ Пари- жа.— Милосердное обращеніе въ Па- рижъ.— Описаніе Государя Senato- рамъ.— Изреченія Государя.— Па- мятникъ на Вандомской площади.— Аполлонъ Бельведерскій	37.

- ГЛАВА V.** Замыслы Наполеона.— Переговоръ съ Маршаломъ Мармономъ.— Отреченіе Наполеона — Шокровище цриверженцовъ Наполеона. — Французскіе военные. — Награжденія Французовъ. — Молебень. — Лагарпъ. — Александръ въ Елпсейскомъ дворцѣ . 48.
- VI.** Набожность Русскихъ.— Солдапы.— Ласковое обращеніе Парижанъ. — Приемъ Государя въ театръ. — Похвалы Государю. — Рѣчи членовъ Испиншаута. — Засѣданіе Института. — 61.
- VII.** Дюссель. — Лафаетъ. — Рамель. — Планъ возвращенія въ Петербургъ.— Мнѣнія во Франціи и Германіи. — Гешингенъ. — Морское путешесствіе. — Возвращеніе Государя въ Петербургъ. — Праздникъ въ Павловскѣ. — Отъездъ въ Вѣну. — Варшавское Герцогство. — Вѣна.— . 76.
- VIII.** Приездъ Государя въ Вѣну. — Австрійское дворянство. — Великія Книгини. — Принцъ де Линь. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Прибытіе на Конгрессъ разныхъ лицъ. — Талейранъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Представленіе Принцевъ. — Александръ въ дѣлахъ Конгресса . 91.
- IX.** Праздникъ въ Аугарменѣ. — Поля сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ.— Обѣдъ въ Энцердорфѣ.— Шенбрунъ.

- Римскій Король. — Праздникъ въ Прагѣ — Обѣдъ въ домѣ Графа Разумовскаго 101.
- ГЛАВА X.** Поездка въ Венгрію. — Взглядъ на оную. — Славліе — Иремъ. — Национальный музеумъ. — Взглядъ на Офенъ и Песниъ. — Представленіе Венгерцовъ. — Разговоръ о Наполеонѣ. — Венгерскія женщины — Гулянье на Маргаритинномъ оспрову. — Балъ у Графа Шандора — Отъѣздъ въ Пресбургъ. — Разговоръ о Венгріи. — Возраженіе. — Стихотворенія. — 111.
- XI.** Увеселенія. — Катанье въ саняхъ. — Карусель. — Театръ. — Императоръ Францъ. — Кабинетъ его. — Императрица Австрійская. — Угощеніе Вѣнскаго двора. — Обѣды у Государя. — Камеръ-балы. — Лагаръ. — . 128.
- XII.** Предположенный отъѣздъ. — Бѣсѣда Наполеона съ острова Эльбы. — Догадки о семъ происшествіи. — Впечатлѣніе, произведенное онымъ въ Вѣнѣ. — Первое военное совѣщаніе. — Манифестъ Конгреса. — Военный совѣтъ. — Образованіе трехъ армій. — Россійскія войска. — Комиссія о продовольствіи. — Заключеніе. — 143.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Напечатано:</i>		<i>Читай:</i>
Спр. Спрок.		
1	9 а потому кажутся 6	а потому, кажутся, Него
7	25 сполнцу вмѣсто ного	сполнцу, вмѣсто того
8	4 верхъ	верхъ
8	12 изчезъ	исчезъ
9	8 брегъ	берегамъ
12	7 въ послѣдствіи ок залося	послѣдствіи же ока- залося
14	8 слѣду такимъ об- разомъ мы	слѣду такимъ обра- зомъ, мы
25	3 изчезаетъ	исчезаетъ
24	3 преображенскаго	Преображенскаго
25	6 а потому въ ожи- даніи	а потому, въ ожиданіи
28	12 надмѣнносости	надменности
33	9 гвардейскіе и гре- надерскіе	гвардейскій и гренадер- скій
34	22 также свѣпа, у сего	также свѣпа; у сего
37	1 прокламацій	прокламаціи
40	21 приобрести	приобрѣсти
40	27 Бриенномъ	Бриенномъ
48	1 замысль	замысли
60	9 времни	времени
87	14 что на оной	что на сей рѣкѣ
97	24 главной квартир- ръ арміи	главной квартирѣ арміи,
114	10 что и мы Слав- яне,	что и мы, Славяне,
154	17 заплашите намъ деньги.	заплашите намъ деньги?

